Я-ГИТАРИСТ
Воспоминания

ПЕТРА ПОЛУХИНА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга представляет собой воспоминания, написанные выдающимся гитаристом современности. Читатель узнает много интересного о жизни Петра Полухина в Советском Союзе и за рубежом.

- Я — гитарист. Воспоминания Петра Полухина
  - ○
  - ○
  - ○ Предисловие
  - ○ Часть первая
    - ■ Родители
    - ■ Начало серьёзного занятия музыкой
    - ■ Студенческие годы в музучилище
    - ■ Консерватория. Служба в армейском ансамбле
    - ■ О Пухальском
    - ■ Женитьба. Развод
    - ■ Приобретение концертного опыта
    - ■ Продираясь сквозь тернии жизни
    - ■ Становлюсь заслуженным артистом
    - ■ Вторая женитьба
    - ■ О гастролёрах и Валерии Петренко
    - ■ Жизнь продолжается
    - ■ О гитарах и о себе
    - ■ Где и с кем я играл
    - ■ После распада страны
    - ■ Последние годы в стране
  - ○ Часть вторая
    - ■ Аргентина. Начальный период жизни
    - ■ Игра с оркестром и без него
    - ■ Жизнь в Кордобе. Знакомства
    - ■ Новая метла метёт по-новому
    - ■ Жизнь в США
    - ■ Мы в Эдмонтоне
    - ■ О репетиторской работе
    - ■ Играю чтобы жить
    - ■ О друзьях и недругах
    - ■ Моя композиторская работа
    - ■ О настоящем и прошлом
    - ■ «Думи мої, думи мої, лихо мені з вами…»

Я — гитарист. Воспоминания Петра Полухина

Петр Полухин

© Петр Полухин, 2019

ISBN 978-5-0050-2804-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Петр Иванович Полухин

Предисловие

Его концерты проходили в переполненных залах. Репертуар гитариста был обширен, включая в себя обработки народных песен и лучшие произведения гитарной классики. «Для своих выступлений я выбирал не заигранные пьесы, а редко исполняемые, но имеющие художественную ценность, — пишет он, — и всегда играл на гитарах отечественных мастеров, не мечтая о гитарах Рамиреса или Флета. Как говорится, «Не имей Амати, а умей играти».

Выступал он во многих крупных городах Советского Союза и Европы: в Берлине, Мюнхене, Хельсинки, Лейпциге, Магдебурге, Кракове, Гданьске, Братиславе, Праге, а также в Аргентине, США, Канаде. Будучи неудовлетворенным отношением к культуре официальных властей Украины и условиями для творческой деятельности в стране, музыкант через несколько лет после распада СССР принял приглашение о работе за границей. Четыре года жил в Аргентине, в городе Кордоба, где у него было много выступлений, а затем переехал в США. В настоящее время Пётр Иванович Полухин живет в Канаде.

Надеемся, что его воспоминания будут интересны широкому кругу читателей и, в первую очередь, гитаристам.

Н. Таратухин.

Часть первая

Родители

Мои родители русские, православной веры. Отец — Полухин Иван Петрович, родился в тысяча девятьсот втором году в селе Петраковка, Курской области. Мать — Полухина Мария Дмитриевна, тысяча девятьсот десятого года рождения, донская казачка, родилась в деревне Машлыкино, Ростовской области.

Отец рассказывал, что когда ему было пятнадцать лет, он под впечатлением игры на гармони сельского гармониста, выкрал у отца деньги, которые тот собирал на покупку коровы и купил себе «хромку». Так назывались в то время русская двухрядная диатоническая гармоника. Конечно, это ему дорого обошлось, выволочку получил приличную, да и деревня вся смеялась над ним. Но тут случилась революция. Власть захватили большевики. «Керенки» исчезли из обращения, корову не купили, а гармонь осталась.

Мой отец от природы имея отличный музыкальный слух и память, быстро научился играть «по слуху» не только «Барыню», но и другие модные в то время танцы и песни. Его начали приглашать играть на свадьбах, и он заработал денег и на корову, и на ремонт обветшалой кровли их дома.

После окончания гражданской войны состоялся первый призыв в Красную Армию. Отца призвали служить. Он служил в Москве, охранял Кремль. После завершения срочной службы ему предлагали поступить в школу командиров, но он отказался и вернулся в Петраковку. В стране была объявлена новая экономическая политика, так называемый НЭП. Отец открыл сапожную мастерскую, но дела пошли плохо, и он уехал на Донбасс. Хотел работать шахтёром, но устроился на патронный завод сначала учеником, а затем работал токарем.

Мать моя к этому времени уже побывала замужем и имела двоих детей от первого брака. Её мужа — Павла Павленко за отказ работать в колхозе, сослали в Сибирь на перевоспитание. Муж там заболел и умер. Мать осталась вдовой с двумя детьми. Младшему Ивану был год, старшему Алексею — четыре года. Начался голод. Ваня умер, а Алексей выжил. Мать поступила работать в совхоз, где директором был дальний её родственник, который сумел ей помочь уехать в Луганск. Поступила на патронный завод разнорабочей. Образования она не получила.

Родители рассказывали, что на заводе их кто-то познакомил друг с другом, и они поженились. На окраине Луганска отец своими руками построил небольшой домик на большом земельном участке, где посадили с матерью много фруктовых

деревьев. В этом доме восьмого июля тысяча девятьсот сорок первого года родился я. А в стране уже шла Великая Отечественная война.

Отца в первые же дни войны эвакуировали с заводом в Подмосковье. Мать рассказывала, что немцы, захватив Луганск, оставили итальянцев и двинулись дальше. Итальянцы особо не свирепствовали, но мы сильно голодали. Я заболел рахитом. Очень болел позвоночник. Мать меня лечила народными средствами по советам бабки, а то мог бы оказаться горбатым.

Окончилась война. Четыре родных брата матери погибли на войне. Отец не воевал, но трудился на военном заводе дни и ночи, своим трудом обеспечивая нашу Победу. После войны вернулся в Луганск. По христианскому обычаю решили меня крестить. Как рассказывала позже мне мать, во время крещения случился казус: у батюшки от свечи загорелась ряса. Но батюшка не растерялся и сказал, что это знамение — у ребёнка будет необычайная, яркая жизнь. Жизнь, действительно, оказалась насыщенной яркими событиями и думаю, что они будут интересны читателям.

Послевоенные годы запомнились тем, что мне постоянно хотелось есть, и я мечтал, когда вырасту, то стану поваром и вдоволь наемся. Увы, поваром не стал, а стал гитаристом. Я не случайно стал играть на гитаре. Наш домик находился на окраине Луганска, а дальше было поле, заросшее бурьяном и кустарником, а за ним посёлок имени Кирова. Однажды приехали цыгане, поставили палатки и закипела цыганская жизнь. Женщины гадали на картах, а мужчины делали металлическую посуду: вёдра, кастрюли. Мой отец в то время работал на паровозостроительном заводе имени Октябрьской революции. Несмотря на то, что он не имел достаточного образования — окончил всего четыре класса церковно-приходской школы, но у него был очень красивый почерк.

Отец помогал цыганскому барону выписывать на заводе обрезки листового железа для изготовления посуды и заполнять всякие бумаги. Барон не мог ни читать, ни писать. Шёл 1950 год, посуда была большой редкостью. Цыгане посуду лудили, покрывали медным купоросом, и она выглядела, как медная. Простодушных, доверчивых людей обманывали, говорили, что это медная посуда и люди её покупали. Мать цыганкам шила одежду. Однажды у неё пропали ножницы. Это был в то время серьёзный дефицит. Мать пошла к барону и рассказала о пропаже. Ножницы подкинули. Но серьёзного воровства не было.

Я до сих пор помню вкус баронского бутерброда: кусок батона, намазанный маргарином и сверху политый сливовым

вареньем. Вечерами цыгане отдыхали, пели песни под гитару и танцевали. Собиралось много людей, аплодировали, но денег не давали — их у людей не было — время было трудное.

В это время, когда я учился в школе, влюбился в девочку Надю. Жила она с матерью и старшим братом недалеко от нас. С братом часто дрался. Отец у них погиб на войне. Старшая сестра Нади сидела в тюрьме. Когда она вышла на свободу, то выглядела измождённой старухой, хотя была совсем не старой. К Наде у меня была чистая детско-юношеская любовь. К ней на свидание я ходил часто с пучком моркови, вырванной на грядках. Уже не помню — было ли у нас объяснение в любви, но свою любовь к Наде я мечтал излить в песне под гитару, игра на которой была для меня чем-то божественным и недосягаемым. Я просил отца купить мне гитару, но в семье не было свободных семидесяти пяти рублей, столько стоила самая дешёвая семиструнка в магазине. Но судьба уже предначертала мне моё музыкальное будущее и подбросила мне пятьдесят рублей, которые я нашёл на дороге. Отец добавил ещё двадцать пять, и гитара была куплена.

К ней прилагалась небольшая инструкция по настройке. Я читал её и почти ничего в ней не понимал. То, что первую струну надо натянуть произвольно — было понятно, но дальше говорилось, что вторая струна, прижатая на третьем ладу должна звучать в унисон с первой открытой. Что такое «Унисон?». Откуда идёт нумерация ладов — от головки гитары или от розетки? Что обозначают эти белые кружочки на грифе?..

Выручил брат Алексей, недавно вышедший из тюрьмы. Он всё мне растолковал. Даже научил трём аккордам. Под них я с друзьями пел разные блатные песни. Позже купил самоучитель игры, кажется Михаила Иванова, и начал изучать нотную грамоту.

Когда в клубе «Текстильщик» был организован ансамбль гитаристов под руководством Бориса Демидова, то я стал участником ансамбля. Свободное от школы время я учил азы нотной грамоты, осваивал технику игры, теперь уже на приобретённой шестиструнной гитаре. Прошли годы. Эта девочка стала Надеждой Морьевой — преподавателем танцев во дворце культуры имени Маяковского. Пути наши разошлись, но детская любовь к ней стала причиной влюблённости в гитару, с которой связана вся моя жизнь.

Начало серьёзного занятия музыкой

Но не только гитара занимала всё моё свободное время. Очень сильное впечатление на меня произвёл кларнет. Самостоятельно по школе немецкого кларнетиста Китцера я научился играть на кларнете и играл в школьном духовом оркестре. Затем попробовал себя в инструментальном квартете. В эти годы я пристрастился к чтению книг. Появилась идея — устроить обменную библиотеку. В летней кухне устроил стеллажи для книг, которые часто покупал на рынке у старушек и выдавал ребятам, которые приносили свои для обмена.

Но гитара вновь позвала к себе. В Доме Культуры завода имени Октябрьской Революции студент музыкального училища Николай Воробьёв организовал городской оркестр гитаристов. Репертуар оркестра был довольно сложный, но меня приняли, и я играл партию первой гитары. Познакомился с Анатолием Бельдинским — гитаристом и хорошим человеком. Он посоветовал мне поступать в музыкальное училище.

В 9—10 классах я проходил обучение токарному делу на небольшом заводе металлоизделий, который находился недалеко от музучилища. Его производственный мастер Иван Иванович говорил: «Пётр, посмотри, дверь в музучилище узкая, а у нас широкая. — Иди в узкую, а в широкую всегда пустят».

Я выбрал «узкую дверь» и после окончания школы стал готовиться к поступлению в музыкальное училище. Не помню всех подготовленных пьес. Помню только этюд Наполеона Коста ля мажор, опус номер двадцать три. Приёмной комиссии моя игра понравилась. Спросили: «Где обучался игре?». Ответил, что самостоятельно по самоучителю. На вопрос: «Как собираетесь сдавать экзамены по сольфеджио и теории музыки?» Пришлось заверить комиссию, что за год обучения я подготовлюсь и сдам экзамены по этим предметам.

После небольшого совещания, комиссия пошла мне навстречу, но стали проверять мой слух. На фортепиано нажимали одновременно две-три клавиши и просили спеть отдельно каждую ноту. С этим заданием я справился легко.

— Спойте гимн Советского Союза…

— Я не знаю слов…

— Как же так? Ведь его по радио передают каждое утро.

— У нас нет радио, — отвечаю без всякого вранья, — электричество провели недавно. Я занимался и читал при керосиновой лампе.

— Тогда спойте, что знаете.

Песен я знал предостаточно. Выбрал самую приличную. Не помню названия, но там были слова: «Мы одни, с нами только гитара, что умеет нам петь о любви…». Посмеялись, но приняли.

Студенческие годы в музучилище

Учился я хорошо. Преподаватели — «старая гвардия», получившая музыкальное образование на заре советской власти, знали свое дело блестяще и добросовестно учили нас ремеслу музыканта. Среди них были братья Исаака Осиповича Дунаевского — Михаил и Зиновий. Первый на основной работе был концертмейстером, а второй в своё время работал в Донецке дирижёром «Шахтёрского ансамбля песни и пляски». Написал песню «Спят курганы тёмные».

Сольфеджио и гармонию преподавал Лазарь Воль. Худой, с копной чёрных волос и с дьявольским блеском в глазах. Ну, вылитый чёрт! Талантливый композитор. Написал оперетту и её в городском театре исполняли. Однажды, на уроке сольфеджио, я решил пошутить (признаюсь, весьма неудачно). Когда пел гамму до мажор, то вместо ноты соль, спел — Воль. И что? «Посеешь, ветер — пожнёшь бурю». Он орал, что я бездарность, что я поступил потому, что дал взятку. Когда я сказал, что пожалуюсь директору, то он слегка стушевался. Но в процессе учёбы заставлял меня решать труднейшие гармонические задачи. Мне пришлось изрядно попотеть, но я так знал гармонию, что при поступлении в консерваторию, помогал своим землякам-абитуриентам.

Георгий Андреевич Аванесов — мой преподаватель гитары был домристом и технику игры на гитаре знал только в общих чертах. Главная заслуга его в том, что он готовил меня, как солиста, воспитывал, как спортсмена — быть уверенным в себе. Он говорил мне, что надо практиковаться столько, чтобы игра вызывала у публики иллюзию лёгкости. Но перед самым концертом нельзя играть программу. «Тебе через пятнадцать минут на сцену, — говорил он, — а ты уже всё сыграл. — игра твоя будет выхолощенной, неэмоциональной».

Вячеслав Ткачёв, преподаватель по общему фортепиано, слушая, как я играл «Вариации на тему Моцарта» Фернандо Сора, спросил: «А ты сможешь всё это пропеть? — если нет, то у тебя только пальцевая память, а она ненадёжная. Нужно всё пропевать».

Благодаря таким наставлениям, я стал артистом. Я никогда не разыгрывался перед концертом. Гитара лежала на стуле в концертном зале. Я в туалете горячей водой распаривал руки, шёл на сцену, проверял строй и начинал играть.

Как-то на уроке оркестровки мне задали работу: оркестровать «Старый замок» Мусоргского для оркестра народных

инструментов и продирижировать. Вначале директор музучилища Виктор Кириллович Яровой перед оркестром начал рассказывать программу произведения: «Представьте старый заброшенный замок, полуразрушенный, вороны каркают». И предложил мне стать перед оркестром дирижировать.

Во мне взыграл дух противоречия. Я не долго думая, выпалил: «Друзья, Виктор Кириллович ошибается только потому, что прочитал неправильный перевод с французского. „Старинный замок“ на рисунке Гартмана, который вдохновил Мусоргского на музыку, совсем не такой. Перед замком стоит Трубадур и поёт серенаду».

Скандала не было. Он вызвал меня в кабинет и спросил: «Откуда ты это знаешь?». Я ему сказал, что принесу картинки Гартмана. Принёс и он меня поблагодарил. Я ему тоже очень благодарен. Он меня выручал неоднократно. Один случай я помню. На четвёртом курсе дирекция русского театра предложила мне оформить музыкально спектакль американского драматурга Теннесси — «Орфей спускается в ад». Я устно договорился с директором театра на определённую плату. Когда он перед спектаклем принёс контракт, где сумма была занижена вдвое, я отказался работать. Шум поднялся страшный. Вызвали директора училища: «Ваш студент срывает показ спектакля!». Когда он выслушал мои объяснения, то заявил директору театра, что я студент хороший, претензий ко мне нет, а то, что подрабатываю в свободное от учёбы время — это моё право. Я ушёл домой, а вечером ко мне приехал заместитель директора и привёз переписанный контракт на ранее оговоренную сумму. Спектакль удался. Я с театром даже ездил на гастроли.

Мой дом находился от музучилища более, чем в пяти километрах. Я каждый день в любую погоду ходил на учёбу пешком. Общественный транспорт в наш район «Каменный брод» не ходил. Наш дом находился вершине холма. Чтобы зимой спускаться вниз и подыматься вверх, отец сделал, как у альпинистов приспособление, которое я привязывал к ботинкам и мог ходить без проблем.

Сочинительством музыки я начал заниматься где-то на втором- третьем курсах музучилища. Правда, почти все мои ранние сочинения пропали. Там были какие-то вальсы, ноктюрны и даже похоронный марш на смерть брата. Когда я был студентом музыкального училища, влюбился в пианистку Ирину Хрисонопуло. Её мать работала администратором гостиницы, деньги в её семье водились. Ирина была хорошо одета, и я со своими рабочими ботинками, в которых проходил всю учёбу в училище, стеснялся к ней подойти и признаться в любви.

Но многие годы мы были друзьями. В 2012 году я написал «Интимную сюиту», как воспоминание о несбыточной любви.

В училище существовала организация под названием «Смурком». В неё входили студенты со странностями. Например, баянист — племянник первого секретаря горкома партии. Он по воскресеньям ходил на центральный рынок и учил цыган, выступавших там с песнями, музыкальной грамоте. В училище он летом и зимой ездил на велосипеде. Студентка Андриевская из дирижёрско-хорового отделения, только что изучив написание нот, заявила, что пишет концерт для хора с симфоническим оркестром. Или другой пример, Николай Полоз, в последствии, став композитором, написал девять симфоний, а студентом ходил по центральной улице с портретом Бетховена и спрашивал у прохожих: «Похож я на великого Бетховена?».

Чтобы стать членом «Смуркома», надо было пройти испытание. Студенты народного отделения: баянисты, домристы и балалаечники должны были у входа в здание филармонии, когда публика входит на представление, играть «Светит месяц». Другие же не народники, ходили в антрактах и предлагали купить потёртые подтяжки для брюк. Я был вице-президентом «Смуркома». На собраниях мы давали концерты. Например, исполнялись фантазии на тему «Чижик-Пыжик». Тромбонист Василий Слобков играл тему, а пианист Илья Наймарк играл виртуозную обработку. Скрипач Александр Панов, в последствии, профессор киевской консерватории, играл собственную обработку блатной песни «Падлюка Сонька».

Я тоже не отставал от других, пел под гитару блатные песни. Примерно такая же организация была и городской филармонии, но на более профессиональном уровне. Я жил в рабочем районе, на улицах по вечерам собиралось много блатных ребят. Они распевали песни и пили дешёвое вино. Когда я после занятий проходил мимо них, они звали меня поиграть. Кличка у меня была «Композитор». Я им играл популярные в то время мелодии типа французского вальса «Домино». В награду мне всегда давали стакан вина, как гонорар. Я был неприкасаемым. Меня никто не мог обидеть. Когда учился на третьем курсе и попытался сыграть им что-либо серьёзное из классики, они кричали:

— Эй, композитор, бросай училище! Ты с каждым годом играешь хуже!..

По общему фортепиано у меня сначала была молодая и красивая, лет сорока женщина. На одном из уроков она мне сказала:

— Пётр, у вас плохое стаккато. — Представьте, что это горячий утюг, — она взяла мою руку и опустила её на своё

загорелое бедро. — Это утюг. Работайте пальцами… Смелее… Вам жарко?..

Меня начинало трясти и брюки становились тесными, но я не мог ничего поделать с собой. А в это время приходит следующий ученик — аккордеонист Кукушкин. Ему двадцать шесть лет. Я говорю, чтобы немного успокоиться: «Можно, я еще немного поиграю на фортепиано?». Кукушкин начинает улыбаться. Успокоившись, я выскочил, как ошпаренный из класса. А сзади раздался язвительный смех. Пошёл я к директору и попросился к другому преподавателю, объяснив причину неважным самочувствием. Директор удовлетворил мою просьбу, сказав, что я не первый, кто просит о переводе.

Мой новый преподаватель — Вячеслав Ткачёв дал мне для изучения пьесу Самуила Майкапара «Вариации на русскую тему». Эту пьесу я должен играть на академическом концерте. Вынужден был рано приходит в училище чтобы позаниматься. В ту пору классы были часто заняты, и мы студенты народного и духового отделений были не готовы к экзамену.

Когда у пианистов был экзамен по специальности, то зал был пуст, присутствовала только комиссия, а на экзамен по общему фортепиано других специальностей приходили, как в комнату смеха. Зал был полон народу. Все бурно переживали за товарищей, а те выдавали порой такие перлы исполнительства, что зал взрывался от смеха и аплодисментов. Начался экзамен. Мой предшественник, тромбонист. Шахта послала его учиться, чтобы он организовал на шахте духовой оркестр. Сел за фортепиано и начал играть «Полюшко-поле», песню композитора Книппера на две октавы выше, чем в нотах. В результате у него не хватило клавиш для высоких нот.

Я тоже выдал «на-гора» не хуже шахтёра. Сел за инструмент. Поправил свои длинные волосы. Ну, вылитый Ференц Лист!.. Тему народной песни сыграл без ошибок, но в виртуозной вариации запутался и остановился. Мой преподаватель говорит: «Играйте дальше». Я начал, но в таком медленном темпе, что преподаватель не выдержал и крикнул:

— Молодой человек, вы можете побыстрее!..

— А вы, наверное, куда-то спешите? — заметил я.

Гомерический хохот сопровождал мой уход со сцены. Пришлось пьесу доучивать. С большим трудом получил удовлетворительно.

Зато с гуманитарными предметами типа истмат и диамат у нас проблем не было. Девушки покупали цветы и заставляли стол преподавателя, чтобы ему не было видно, как студенты во время экзамена открывают книги и списывают ответ на билет.

Я с друзьями покупал водку и перед экзаменом наливал в графин вместо воды. Первые шли отвечать те, которые знали предмет. Преподаватель наливал в стакан и выпивал. Затем выходил в буфет закусить. В это время доставались книги и шла подготовка к экзамену. После экзамена мы сажали его в такси и везли домой.

Стипендия у меня была шестнадцать рублей и мне приходилось подрабатывать. Отец получал не очень большую зарплату, хотя был токарем высшего разряда. После войны пошёл на паровозостроительный завод имени Октябрьской революции работать токарем. Квалификация была не очень высокой, поскольку во время войны выполнял однообразную работу — расточкой болванок для мин и снарядов. Во вторую смену на завод приводили пленных немцев. Сменщик был токарь-немец. Он учил отца мастерству токарного дела. Отец ему носил из дома продукты, что было тоже не просто в голодное время. Когда немец вернулся домой, писал письма, приглашал в гости, но отец не отвечал, не хотел иметь неприятности с КГБ.

Устроился я руководителем хора пивзавода. Глотки работников хриплые, лужённые от употребления пива. Начал работать в сентябре, а к первомайскому празднику должен был подготовить концерт. Хор там был, но пели довольно примитивно. На праздник я пригласил своих друзей-студентов. Они аккомпанировали хору, а после пили горячее, неочищенное пиво. Покидали пивзавод не своим ходом, а на такси.

По объявлению устроился на «Эмальзавод». Нужно было организовать эстрадный оркестр. За восемь месяцев я должен был подготовить программу и выступить на городском конкурсе художественной самодеятельности. Сделали по заводу объявление о наборе в оркестр. Пришли два человека — кларнетист и аккордеонист. Завод старый, почти везде ручной труд. В горячие цеха идут только те, кого нигде не берут — бывшие зеки, все в наколках. Дирекции нужен был оркестр: если на конкурсе не выступят, не получат премии.

Я предложил взять на работу студентов музыкантов на пол ставки. Согласились. Пришли пять человек. Шестьдесят рублей в месяц каждому и никаких проблем. Репетировали два раза в неделю. Я писал оркестровки, написал кубинскую румбу, посвящение Фиделю Кастро. Это был тысяча девятьсот шестидесятый год. Победила кубинская революция. Наш оркестр, а точнее, инструментальный ансамбль на конкурсе завоевал первое место.

Затем была работа в сельхозинституте. Предстоял смотр художественной самодеятельности. Опять без помощи студентов

музучилища мне было не обойтись. У нас сложилась практика — помогать друг другу.

На госэкзаменах в училище играл «Бурре» Баха, «Вариации на тему Моцарта» Фернандо Сора, «Венецианский карнавал» Цани де Феранти с перестройкой гитары и «Арагонскую хоту» Франциско Тарреги. Председатель комиссии, пианист, профессор из Москвы, дал мне категорию «Солист». Я получил направление в филармонию города Сумы. Но решил ехать в Киев и поступать в консерваторию. Директор музучилища сказал, что не может дать мне направление потому, что я не комсомолец. Пришлось подать заявление в горком комсомола. Там меня спросили: «Сколько комсомол имеет наград?.. Ответил: «Семь». Опять вопрос: «А седьмая за что?». Отвечаю: «За восстановление Донбасса после Великой Отечественной войны». Засмеялись, но сказали, что наград шесть. Удостоверение получил. Директор училища выдал мне направление, без которого заявления в консерваторию не принимались.

Консерватория. Служба в армейском ансамбле

Мне 20 лет

Приехал я в Киев сдавать экзамены в консерваторию. По специальности «гитара» на одно место было одиннадцать претендентов. Вместе со мной сдавала экзамены и Галина Ларичева — жена известного гитариста Евгения Ларичева, но она шла на заочное отделение. Играл тоже самое, что на выпускных экзаменах в музучилище. Когда начал перестраивать гитару на итальянский строй, профессор Марк Моисеевич Гелис поинтересовался: «Что это за строй?». Но узнав, что Никколо Паганини написал в этом строе две сонаты, очень удивился. Когда я закончил программу, он спросил: «А вы, голубчик, играете „Астурию“ Исаака Альбениса?». Я сыграл. Узнал позже, что мой будущий преподаватель, гитарист- семиструнник Ян Генрихович Пухальский на выпускном экзамене в аспирантуре тоже играл «Астурию».

Те абитуриенты, которые сдали экзамен по специальности на отлично, вносились в привилегированный список. Им двойки на других экзаменах не ставили. Так вышло и со мной на экзаменах по английскому языку и истории. На экзамене по украинскому языку написал сочинение о Платоне Кречете, конечно, без шпаргалки не обошлось.

Вернулся домой счастливый. По воскресеньям вечером играю танцы с оркестром на электрогитаре в парке. Днём с ребятами ездим на речной пляж. И грянул гром! В августе получаю повестку в военкомат.

Сильно огорчился. Ведь это крушение всей мечты. От воинской повинности никто не освобождался. Только по болезни можно было получить отсрочку.

— Мама, вызывай скорую помощь. У меня в правом боку сильные боли, наверное, аппендицит?..

Увезли в больницу и сделали операцию. В военкомате дали освобождение на шесть месяцев. Надо сказать, что у меня на самом деле был аппендицит, но в хронической форме. Я разыгрывал роль умирающего и это мне удалось. К огромному моему сожалению, мой отец не разыгрывал умирающего, а умер от инсульта в Луганске, когда я начал учиться в консерватории.

Приехал в Киев на занятия. Иду по коридору консерватории и вижу: сидит гитарист в очках, играет, как молодой Бог. Познакомились. Его фамилия Виталий Дерун. Договорились встретиться вечером и обмыть знакомство. Вечером купили две бутылки белого портвейна и закуски. В автомате для газированной воды взяли два стакана и пошли к «Золотым воротам». Тогда они ещё не были реставрированными, всё вокруг заросло кустарниками и деревьями. Нашли укромное место.

Только налили вино в стаканы — подходит милиционер и говорит: «Здесь пить запрещено!». Насилу уговорили. Разрешил, но только чтобы быстро ушли.

Виталий оказался очень порядочным человеком. Когда ему на киностудии предложили запись музыки с оркестром, он заявил, что для полноты звучания нужны две гитары. Дал возможность и мне заработать.

Играю на гитаре, которую у меня позже украли

На необходимость подработки меня толкала сама жизнь. Стипендия была очень маленькой. Отец по состоянию здоровья работать не смог и по достижению пенсионного возраста оставил работу. Помогать мне деньгами ему было трудно. Дал мне на дорогу тридцать рублей — половину своей пенсии.

В Киеве я познакомился с гитаристом Константином Смагой. В разговоре с ним я рассказал о своём бедственном положении. Он помог мне устроиться преподавателем гитары в третью вечернюю музыкальную школу для взрослых. Там как раз преподавательница уходила в декретный отпуск и её место было свободным.

Преподавать гитару взрослым мне понравилось. Некоторые из моих учеников были старше меня, и они пришли научится игре на гитаре сами, в отличие от детей, которых родители за ручку водят в школу против их желания. В школе для взрослых у меня были ученики, имеющие разные профессии. Были и студенты вузов. Два студента университета из Индонезии, студентка института иностранных языков — красавица- блондинка с голубыми глазами. Вышла впоследствии замуж за посла Буркина-Фасо. Преподавал я в школе гитару до самого своего призыва в Армию.

Когда пришёл на первое занятие к преподавателю Пухальскому, он предложил мне перейти на семиструнку с металлическими струнами. Я онемел, а в голове у меня пронеслось: «Вам конец, Пётр Иванович. Этот заучит до смерти». Позже мне рассказал Виталий, что другой гитарист — Мамонтов, учившийся у Пухальского, написал письмо ректору консерватории о том, что преподаватель играть не умеет, у него нечему научиться и потребовал вернуть документы. Виталий тоже забрал документы. Уехал мой друг в Свердловск.

Я органически не переваривал общение с Пухальским. Целый месяц не ходил к нему на занятия. Поняв, что ученики от него бегут, стал не так свирепствовать. Я получил от него некоторое послабление. Но мы с ним очень расходились в способах звукоизвлечения пальцами правой руки. Он требовал бить струну с размаха сверху, а я освоил современный и более экономный способ звукоизвлечения — со струны с маленькой амплитудой.

Тихая «война» с преподавателем у нас продолжалась очень долго. Но чувствительное поражение я ему нанёс, когда его ученик, гитарист —семиструнник цыган Играф Йошка приехал на весеннюю сессию и увидев мою игру, попросил переучить его на шестиструнку. Я с удовольствием выполнил его просьбу. Он

закончил консерваторию, играя на выпускном экзамене «Чакону» Баха в аранжировке Андреса Сеговии. Позже Йошка организовал трио «Ромэн».

Вспоминаю одну забавную историю. Когда я учился на первом курсе в консерватории, к нам приехал студенческий хор из американского штата Кентукки. На другой день после выступления хора в малом зале консерватории была организована встреча советских и американских студентов. Я думаю, что агенты КГБ тоже здесь были.

Одна американская студентка пела песни и аккомпанировала себе на гитаре. Я занимался на четвёртом этаже далеко от зала. Подбегает ко мне знакомый студент и говорит, что в малом зале на встрече играет и поёт американка. «Пойдём, пусть послушает, как надо играть».

Я пошёл и увидел красивую девушку с длинными ногами и длинными вьющимися волосами. Гитара у неё была с металлическими струнами. На таких играют музыку кантри. Мне предложили сыграть. Я сыграл вариации Высотского на русскую народную песню «Пряха» и тут же следом «Арагонскую хоту». Что тут было!.. Крики восторга, топанье ногами (у нас так было не принято реагировать на выступление). И вдруг эта студентка через переводчика говорит, что влюбилась в меня с первого взгляда и хочет, чтобы я уехал с нею в Америку.

Я ответил, что она очень красивая и мне нравится, но у меня здесь много работы и учёба. И вдруг она заявляет, что не уедет без меня. На другой день меня вызывает ректор и спрашивает:

— Почему американская студентка говорит, что без тебя не уедет в Америку?

— Не знаю. Я только играл на гитаре, — отвечаю.

— Тебя вызывают в КГБ. Иди и там объясняйся.

Дал мне номер кабинета и адрес. КГБ находилось в десяти минутах ходьбы от консерватории. Подхожу. Двери массивные с бронзовыми отполированными ручками. Почему-то только с улицы, а изнутри — намного тускней. Мне так показалось. Охрана указала путь. Нашёл кабинет и постучал.

— Войдите, — послышалось изнутри.

Сотрудник, сидевший за столом, что-то писал. Усадил меня на стул и продолжил писать. Минут тридцать писал, поднял голову от бумаг и спросил:

— Что было у тебя с американкой, сколько раз и где?

— Ничего не было, — отвечаю.

— Почему она говорит, что не уедет без тебя?

— Спросите у неё, — начинаю злиться я. — Разве девушке не может понравиться парень за игру на гитаре?

Долго он задавал мне разные каверзные вопросы, а мне почему-то хотелось ему пропеть: «Чёрный ворон, чёрный ворон, что ты вьёшься надо мной?». На другой день мне студентка передала свой адрес. Я долго его хранил. Запомнил имя — Барбара, но писем не писал. Хватило одного только похода в КГБ.

Весной я получил повестку из военкомата. Взял гитару и поехал в Дом офицеров. Там репетировал ансамбль песни и пляски киевского военного округа. Поиграл. Игра моя понравилась и меня взяли в ансамбль. Меня в ансамбле приняли очень дружелюбно. Мой весёлый нрав, знание большого количества анекдотов, а главное, умение их рассказывать — сделали своё дело. Я пришёлся, как говорится, ко двору.

В ансамбле не было «дедовщины». В одной казарме с нами жили и сверхсрочники-танцоры. Парадная форма одежды у нас была офицерской, но с чистыми погонами. Этим мы часто приводили в недоумение городской патруль. Распорядок дня был у нас не очень утомительным. Репетиция в доме офицеров с десяти утра и до двух дня. И строем в казарму, которая находилась рядом с метро «Арсенальная». Не более пяти минут ходьбы. После обеда — «мёртвый час».

Меня просили в это время играть на гитаре. Звуки гитары танцоров успокаивали, и они быстро засыпали. Но спали не все — многие уходили в увольнение. У нас были солдатские книжки, в которых было указано: свободный выход в город. Начальник ансамбля подполковник Михаил Степанович Нижник, любил своё дело и хорошо относился к солдатам — артистам. Иногда покрывал их проступки, не доводя до высшего начальства.

Вспоминаю комический случай. Как- то ко мне подходит певец, бас Николай Шопша и говорит: «Ансамблисты утверждают, будто ты правнук знаменитого бельгийского певца Эверарди, который преподавал когда- то в киевском музыкальном училище?». Признаюсь, я о таком даже и не слыхивал, но утвердительно ответил. Далее, он спрашивает:

— Ты знаешь, как он занимался со студентами?

— Конечно, — отвечаю, — мне рассказывал мой дедушка, что они приходили к нам домой, и он всё видел…

— Ты сможешь мне поставить голос?..

— Конечно смогу…

Тут я вспомнил, что когда-то читал книгу писательницы Жорж Санд «Консуэло». Там описывался урок вокала и постановка голоса.

— Коля, — говорю я ему, — пойди на стройку и попроси там два кирпича. Они необходимы для упражнений.

Он притащил два тяжеленых огнеупорных кирпича.

В комнате отдыха я поставил пять табуреток. Коля лёг на них, а я положил эти кирпичи на его живот и говорю:

— Коля, сделай глубокий вдох и пой гамму до мажор. Сначала ноту до. Выдох. Опять вдох и пой ноту ре. И так всю гамму…

Вокруг стояли ансамблисты и давились от смеха. Но Коля не обращал на это внимания… Даже, когда ансамбль уезжал на гастроли, он эти кирпичи тащил в чемодане. Более того, когда после службы в Армии, он поступил в консерваторию в класс Николая Кондратюка, тот спросил его: «Кто тебе поставил голос?». Коля ответил: «Гитарист Пётр Полухин!».

Николай, закончив консерваторию, был принят в оперный театр, где был лучшим исполнителем партии Бориса Годунова. Позже ему присвоили звание народного артиста Украины. Встретились мы с ним в Лейпциге ещё молодыми. У меня были гастроли, а что он там делал — не помню. Посидели, выпили, вспоминая службу в ансамбле.

Шефский концерт

Наш начальник ансамбля Михаил Степанович создал небольшую концертную бригаду в составе: баянист, два вокалиста, парный конферанс, исполнявший шутки, пародии и анекдоты, танцевальная пара и я — солист-инструменталист. Я играл три-четыре пьесы. Особенно нравилась публике пьеса композитора Алена «Огонь сердца». Помню, на Новый год мы выступали перед генералами, членами военного Совета. Среди

слушателей был прославленный ас Александр Покрышкин.

Однажды мы приехали с концертом в город Остер, черниговской области. Там я встретил Ивана Карабица. Я и кларнетист Леонид Алчин уговорили Михаила Степановича взять его в ансамбль. Он занимался на композиторском отделении и был прекрасным аранжировщиком. Он стал в ансамбле вторым дирижёром хора. Остался на сверхсрочной службе и оркестровал песни пока не закончил консерваторию. Он уже умер. Недавно читаю воспоминания его жены Марины. Она пишет, что Борис Лятошинский помог Ивану выбраться из Остера. Явная ошибка. Она просто не знала — кто помог ему в этом.

Всем известно, что в советской Армии старшинами зачастую были украинцы. Нам в ансамбль прислали образцового, одного из лучших старшин в киевском округе. Толстый, физически сильный мужик. Звали его Иван Васильевич. До армии работал на сахарном заводе в городе Сумы грузчиком. Нас он с сарказмом называл: «Сраная, шибко грамотная интеллигенция».

В какой-то день утром на построении старшина спрашивает: «Кому надо по делам выйти в город?». Из строя вышел Валерий Куринский — скрипач, но в ансамбле пел, имея хороший голос. Говорит:

— Товарищ старшина, мне начальник ансамбля приказал принести из консерватории диезы.

Старшина, понятия не имея, что такое диезы, отдаёт распоряжение:

— Дежурный, запишите в книгу увольнений: Куринский вышел за диезами.

На следующий день старшина докладывает начальнику ансамбля:

— Михаил Степанович, рядовой Куринский, которому Вы приказали принести из консерватории диезы, на вечернее построение опоздал и явился пьяным. Объясняет это тем, что встретил в консерватории писателя Шолома Алейхема и выпили за встречу. Диезы потерял.

Начальник ансамбля всё понял и не стал издеваться над старшиной. Но Куринскому сделал строгий выговор.

Служба в армейском ансамбле, а это три года, не прошла бесследно. Я физически окреп. По утрам делал пробежки по склонам Днепра вместе с боксёрами спортивной роты. Они жили в старинном здании рядом с нашей казармой. Там же жили солдаты стройбата. Я одному узбеку продал свой новый мундир. Выдавали их для выхода в увольнение в город, но нам они были не нужны — в увольнение мы ходили в концертной офицерской одежде. Узбек был ниже меня ростом, но я сказал, что через год

он вырастет и мундир будет ему впору.

Года через два, когда наш ансамбль был на гастролях в Умани, нас солдат разместили в воинской части. Там я встретил этого узбека. Он меня узнал. «Видишь, не подрос, — сказал он, — пришлось мундир продать». Зато я подрос и окреп. Певец нашего хора — Дима Власюк, занимался гантелями и увлёк меня. Я до конца службы, как говорят, «тягал железо». Со своим сослуживцем — Василием Сас, мы в свободное время ходили подрабатывать на овощную базу грузчиками. От солдатской еды у меня стал побаливать желудок. Полученные деньги тратил на молоко и сметану, чем гасил изжогу.

Как-то меня вызвал начальник ансамбля и говорит, что ему звонил генерал-лейтенант Балюк. Он попросил, чтобы я давал уроки для его сына. Ему было 20 лет, и он начал увлекаться водкой. Мечтает научиться играть на гитаре. Может быть, увлечение гитарой остановит его и его внимание сосредоточится на гитаре? Я начал заниматься с ним, а он очень рьяно начал учиться. Делал большие успехи. Купили ему палисандровую мастеровую гитару Николая Ещенко. Но опять начал выпивать. Однажды около гастронома он был с гитарой и выпивши, встретил каких- то ханыг. Ему дали 10 рублей — чтобы он купил бутылку водки и закуску. Взялись подержать его гитару. Когда купил водку и вышел из магазина, а тех и след простыл. Рано умер — сердце не выдержало. Я его хоронил.

На третьем году службы мне Михаил Степанович разрешил учиться в консерватории. Пришёл в деканат, написал заявление и начал обучение на втором курсе. Опять хожу на уроки к Пухальскому. Когда подошло время сдавать экзамен, он заявил, что я не готов. Этим он отомстил мне за Йошку и за другие свои поражения. Но огорчаться было некогда.

Срок моей службы закончился, и я окончательно вернулся в консерваторию. Появился новый студент — гитарист Валерий Петренко. С хорошей техникой, а точнее, с блестящей. У него с Пухальским сложились очень хорошие отношения. Валерий был кампанейским парнем. Много занимался игрой на гитаре, но сольфеджио и гармонию не изучал. Впоследствии был отчислен из киевской консерватории. Поступил во львовскую на заочное отделение и закончил его.

Мне Пухальский сказал, что будет конкурс исполнителей на народных инструментах. Я серьёзно начал готовиться. Было прослушивание, которое устроил Пухальский. Он сказал, что участвовать будет Петренко. На конкурсе председателем комиссии был дирижёр народного хора Анатолий Авдиевский. Когда на сцену вышел Петренко, то председатель сказал, что

гитара не русский народный инструмент и снял Валерия с конкурса.

ЦК комсомола организовало Всесоюзный конкурс «Биг-Бит — 68». Приехали рок -группы из всего СССР. Я работал в клубе мебельной фабрики руководителем ансамбля «Ренессанс» с ребятами, которых подобрал брат моей жены Николай. На конкурсе моя группа была лучше всех. Солистом был я, игравший на электрогитаре. Нам присвоили первое место и объявили приз — американская джазовая гитара. Когда я пришёл в ЦК за призом, то мне сказали, что конкурс оказался убыточным и денег на покупку гитары нет. Тут же предложили бесплатно поиграть в кафе на комсомольском собрании. Я отказался.

О Пухальском

Пухальский продолжал свирепствовать, добиваясь от меня громкости звука, как у Петренко, заставлял бить пальцами по струне. Но у него толстые и очень крепкие ногти. У меня, к сожалению, не такие. Я сорвал правую руку. Эта болезнь возникает у гитаристов и радистов, работающих на ключе. Поступая в консерваторию, был виртуозом, а в конце обучения стал инвалидом. Отказался играть выпускной концерт и деканат издал приказ об отчисления меня из консерватории за неявку на экзамен. Я пришёл к декану и сказал, что имею право в течение трёх лет сдать экзамен, и если вы не измените приказ, то иду в министерство с жалобой. Он понял, что я законы знаю и отменил свой приказ.

Мой преподаватель Ян Пухальский считал, что произведения Вилла- Лобоса — это конструкция, в которой нет музыки. Я ему сыграл все двенадцать этюдов и пять прелюдий, но на академическом концерте он мне не разрешил их все играть. Только первый этюд. По его мнению, вершиной гитарной музыки являются вариации Сихры и Высотского. Благодаря мне он узнал, что есть композиторы: Турина, Торроба, Понсе и другие. Альбениса он знал, потому, что играл «Астурию» на выпускном экзамене в аспирантуре. После знакомства со мною, он начал давать другим студентам сочинения этих композиторов. В частности, Карпову и Михайленко.

Не любил возражений. Заставил меня на академконцерте играть пьесу старинного автора, которая мне совершенно не нравилась. Я там такое наиграл, импровизируя на эту тему, что поставили неуд, хотя другие пьесы я играл блестяще. Пухальский был о себе очень высокого мнения. Когда я попросил его что-нибудь поиграть, то он заявил, что переиграл руку и уже много лет не играет. И всё делал чтобы я тоже переиграл руку. И своего он добился.

Я не мог бросить киевскую консерваторию. Она была единственной на Украине, где имелся класс гитары. А бросить — означало конец карьеры. Как говорил великий артист Аркадий Райкин: «Без бумажки ты букашка, а с бумажкой — человек». Приходилось терпеть. Да и самому Пухальскому невыгодно было меня лишиться. Преподавателям кафедры народных инструментов разрешали брать только одного гитариста в год. Остальные были домристы и балалаечники. Они после окончания консерватории сидели в училищах без работы и были вынуждены переквалифицироваться в преподавателей гитары. Чтобы

загрузить Пухальского работой, его заставляли преподавать бандуру.

В быту Пухальский был коммуникабельным и добрым человеком. Дарил мне струны. Я был у него дома. Видел огромную библиотеку старинных изданий Сихры, Высотского и других русских гитаристов. После его смерти, жена продала ноты Николаю Михайленко, а он продал их историку гитары Матании Офи. Так что «Русская коллекция» в США, которую издал Матания Офи — это ноты из коллекции Яна Пухальского. Была у него прекрасная лютня теорба. Я просил Пухальского при его жизни продать мне её. Он мне отказал. Дальнейшая судьба её не известна.

Вернувшись к своему звукоизвлечению, я практиковался целый год, восстанавливая подвижность пальцев. Когда пришёл на выпускной экзамен, узнаю, что мой реферат подписан не всеми преподавателями. Пропущена подпись преподавателя дирижирования Прокопенко, и я не допускаюсь к экзамену. Пришлось разыскивать преподавателя. Нашёл его. Он подписал реферат, но я едва не опоздал на экзамен. После таких треволнений, не знаю, как я вновь не сорвался. Но отыграл программу и получил «хорошо» за игру. Правда, категорию «солист» мне не присвоили, а только «преподаватель» по классу «гитара». Это меня не очень огорчило — солистом я уже работал в филармонии и у меня была первая категория.

Женитьба. Развод

Со своей будущей женой я познакомился случайно. В консерваторию пришёл парень, выпускник театрального института и попросил меня помочь им музыкально оформить выпускной спектакль по пьесе Александра Николаевича Островского «Бесприданница». Главную роль играла Елена Радько, красивая, высокая блондинка с хорошо поставленным голосом. Я аккомпанировал ей, когда она пела романс «Ах, не любил он». Конечно, я сразу в неё влюбился и попытался назначить ей свидание, но безуспешно. Уехала она по распределению в харьковский драматический театр, но что-то там ей не понравилось, и она вернулась в Киев. Устроилась в методический кабинет Дома офицеров составлять методические пособия для воинской художественной самодеятельности. Встретились мы с нею вновь, когда я служил последний год в армейском ансамбле. На счастье, или на беду — меня захватила любовь. Да так сильно, что я решил жениться. Моя настойчивость на этот раз возымела успех. Мы поженились.

Жили в маленькой квартирке её отца. На работе у неё произошёл конфликт с директором Дома офицеров подполковником Гришко. Составляя методический сборник, она написала к нему эпиграф: «Хочешь жить при коммунизме — живи». Это было в стиле Козьмы Пруткова: «Хочешь быть счастливым, будь им». Когда Гришко это прочитал, начал на неё орать, крыть трёхэтажным матом и в довершение заявил: «Чтобы твоего духу здесь не было». Уволилась. Друзья мои нашли ей новую работу.

Жить на квартире у отца в маленькой квартире было очень тесно, особенно, когда родилась дочь Даша. Мой друг, студент пединститута, предложил мне поехать на два месяца со стройотрядом в Новый Надым Тюменской области работать плотником. Взял я гитару и отправился на заработки.

Прилетели к месту работы. Поселили нас в деревянных домиках по четыре человека. Удобств никаких. Туалет во дворе. Его посещение только с газетой. Пока она горит, нужно успеть сделать все дела. Иначе гнус и мошкара вопьются в тело и будет уже не до работы. Работал в плавках. Намазывался демитилфталатом и топором по шнуру обтёсывал брёвна. Я работал восемь часов в день, все остальные — по двенадцать. Перед обедом я и бригадир уходили на озеро стрелять уток. Их там были полчища. За полчаса мы отстреливали двадцать штук. Затем я общипывал их, разделывал и варил борщ. Вечером ужин

—вермишелевый суп с утятиной.

После ужина отдых и песни под гитару. Моя игра нравилась ребятам и девушкам, а на следующий день всё повторялось. За два месяца работы каждый из нас получил по тысяче четыреста рублей. Вернулся домой и вступил в строительный кооператив. Денег хватило на первоначальный взнос. Через год я с семьёй вселился в двухкомнатную квартиру. Позже, когда евреям разрешили уезжать в Израиль, они оставляли шикарные государственные квартиры без всякой компенсации. Я воспользовался моментом и обменял свою выплаченную кооперативную квартиру на прекрасную, площадью около восьмидесяти метров, с высокими потолками и камином, квартиру в самом центре Киева, а хозяину, покидавшему страну, выплатил деньги от продажи своей кооперативной квартиры.

Но, как говорится, «как пришло, так и ушло». Я после развода оставил квартиру жене с двумя моими дочерями. Первая дочь у нас Еленой родилась в 1968 году. Вторая — в 1975. Разошлись, как расходятся многие. Говоря словами Владимира Маяковского: «Любовная лодка разбилась о быт…». Последней каплей был услышанный случайно разговор в гостиной жены со старшей дочерью.

— Мама, почему ты продолжаешь жить с папой-алкоголиком? — спрашивает дочь.

— Потерпи, доченька, скоро у нас будет новый папа…

Захожу в гостиную и говорю:

— Зачем долго ожидать? Завтра подаю на развод…

Мне стало понятно, что в этой семье я чужой. Всё так просто и банально. Я — артист. Человек богемный. Она — любящая мать своих дочек и сама актриса, но так и не поняла, что в этой сфере дела без бутылки не делаются. Надо пить с нужными людьми. Это мужчинам. А у женщин актрис есть на этот счёт даже поговорка: «Не побудешь на диване, не побудешь на экране». Жена за всю жизнь не выпила даже стопки вина, была помешана на религии. Подруги у неё какие-то старушки, они, как говорится, подливали масла в огонь. Когда мы жили вместе я старался не обострять с нею отношений, порой закрывал глаза на её нелицеприятные высказывания в мой адрес.

Разводиться я не думал. Более того, когда работал солистом в Доме органной и камерной музыки, устроил её работать там же ведущей концерты. Её обаяние и прекрасная дикция пришлись кстати, и она проработала там до самой пенсии. Она уже умерла. О мёртвых плохо не говорят.

Со второй женой Ольгой живём 34 года. Всякое было, но уважение и любовь друг к другу — это главное. Без этого

семью не сохранишь. После развода с первой женой, которая меня через суд выписала из квартиры, доказав, что я там не живу, (это было правдой) жил по новому адресу. А это костёл, который органист Котляревский отреставрировал и назвал домом органной и камерной музыки. Ездил на гастроли без прописки. Иногда не хотели в гостиницу поселять, приходилось давать телефон Министерства культуры. Звонили им. Они отвечали и подтверждали, что я артист. Потом министерство мне выдало справку о месте жительства.

Жил я и у Миронова — любителя гитары, активного члена Ассоциации гитаристов, где меня выбрали президентом. Он с меня даже денег не брал. Старше меня, ленинградец, пережил голод. Часто был в командировках,

а я жил один.

Киев. Живу на квартире

Приобретение концертного опыта

В киевском оперном театре по понедельникам выходной. Кому-то в голову пришла хорошая идея — в этот день устраивать концерты. Особенно нравилась программа: «Вечер старинного романса». Я тоже принимал участие. Играл в своей обработке: «Я встретил вас…». В обработке Иванова- Крамского — «На заре ты её не буди». В своей обработке — «Вечерний звон», в обработке Орехова — «Дремлют плакучие ивы» и другие романсы.

Аккомпанировал народной артистке Вере Любимовой, народным артистам: Константину Огневому, Владимиру Тимохину. Последний предложил мне сотрудничать с ним, и мы серьёзно начали работать над программой: «Старинные русские романсы». Записали её на республиканском радио, а после и на грампластинку фирмы «Мелодия» Он был простым и незаносчивым. Иногда после работы и по рюмке водки выпивали с ним. Он рассказывал, что когда репетировалась опера «Екатерина Измайлова», приезжал на репетиции Шостакович. После премьеры сказал, что это лучшее исполнение его оперы.

Газеты хвалили дирижёра, народного артиста СССР Константина Арсеньевича Симеонова. Его вызвали в горком партии, поздравили с успехом, но и заметили, что он не приходит к ним и не информирует о своих достижениях: «Мы узнаём всё о вас только из газет». На что он ответил: «Уважаемые, я не верхолаз, а артист», намекая на этаж, где размещался горком.

— Нам пишут из театра, что вы не посещаете политсобрания, — заявили ему.

— Уважаемые, — ответил он, — я не член партии…

— Но вы руководитель театра, и должны интересоваться партийной жизнью театра, и ходить на семинары…

— Я уже старый и скоро попаду на тот свет. При встрече Карл Маркс меня простит и лично мне всё расскажет.

Позвонил мне певец Тимохин: «Приезжай ко мне на репетицию. Москва хочет, чтобы я спел программу «Русский романс». Приехал. Он жил на Крещатике. Написали программу, и он пошёл в Министерство культуры её утверждать. Я остался его ожидать. Приходит через час и говорит, что с этой программой нас в Москву не отпускают. Нужно исполнять украинскую музыку. Нашли мы ноты романсов украинских композиторов и всё уладилось. Получили гастрольное удостоверение. Приехали. Нас поселили в гостинице на Неглинной. На другой день у нас концерт в концертном зале на площади Маяковского. Первое отделение — романсы

Чайковского. Пианист — Натан Шульман. Тимохину страшно не понравилась игра Шульмана. Второе отделение начал я, подготавливая публику исполнением нескольких романсов в обработке для гитары. Во втором отделении Тимохин пел романсы русских композиторов уже под аккомпанемент гитары.

Владимир Тимохин договорился исполнить несколько концертов в Белоруссии. Программа «Русские романсы». Аккомпанемент — гитара и баянист Роман Иванский. Пианист не потребовался по простой причине: концерты были запланированы в санаториях и домах отдыха, где фортепиано отсутствуют, а если имеются, они стоят в роли мебели. Их не то, что давно не настраивали, там нечего было настраивать. Отсутствовали не только струны, но даже клавиши. Поэтому — баян, а Роман был отменный музыкант.

Привезли нас в огромный санаторий с большим залом. Тимохин отодвинул занавесь и спрашивает: «Петя, а где интеллигенция этого города?». Отвечаю: «Владимир Ильич, вы же их в семнадцатом году на фонарях повесили». Сцену открыли. В зале человек пятьдесят. (концерт отменяется, если в зале нет десяти человек). Тимохин поёт, я играю. Он тенор, солист киевской оперы, поёт романсы о любви, я своим аккомпанементом нагнетаю страсти. Мы в ударе, получаем удовольствие от своего исполнения. Вдруг заходит женщина в белом халате и громким голосом объявляет: «Товарищи, кто не имел вечерний кефир — выйти из зала!». Все поднялись и ушли. «Окончен бал, погасли свечи…», как там дальше — не помню, а мы пошли ужинать по-человечески т.е. с водкой. По скотски-значит без водки.

Когда меня включили в план Союзконцерта, первый концерт состоялся в Курской области, на родине моего отца. Я основательно подготовился. Первым номером моей программы была ми минорная сюита Баха. В филармонии Курска, наверное, подумали: «Приехал гитарист, не лауреат, нет звания. Куда его? Да — в рабочий клуб». Лучше, конечно, бы — в музыкальную школу, там хотя бы публика, подготовленная. Привезли меня на филармоническом автобусе. Он черниговского автозавода, сделан весь из металла. Летом нагревается — сидишь как в бане, а зимой, из- за отсутствия отопления холодно. Бывало, привезут на концерт почти к началу, не успеваешь даже согреться.

Итак, о первом своём концерте. Клуб мне сразу не понравился. Интуиция меня не подвела. Первой в сюите Баха идёт печальная, даже трагическая сарабанда. Вдруг крик из зала: «Хватит настраивать, давай пой!» От неожиданности я остановился. Мгновенно всё понял. Начал играть «Малагенью»

Лекуона, «Огонь сердца» Алена, испанский танец «Сальвадор» и остальное в этом же духе. С тех пор я Баха не подготовленной публике не играл. Я Чакону из второй партиты для скрипки Баха на гитаре не воспринимаю. Она очень драматична, экспрессивна. Скрипка, орган могут своим звуком это передать, но гитара — нет. Ни Сеговии, ни другим гитаристам, так и не удалось достичь такого эффекта, который достигали своим исполнением Чаконы скрипачи Яша Хейфец и Леонид Коган. Исполнение на гитаре Чаконы — это, примерно, тоже самое, если импотент пытается заняться сексом с женщиной. Да простят меня читатели за такое грубое сравнение.

Попросил моей помощи певец Константин Огневой. Он сказал, что завтра у него концерт в «Октябрьском дворце», а Петренко, его аккомпаниатор, уехал с Гуляевым на гастроли, даже не позвонив. Попросил помочь. Договорились о встрече. Дверь открыл сам Огневой. Поразила шикарная квартира и не менее шикарная арабская мебель. Сразу стопка коньяка и мы принялись за дело. Надо было подготовить восемь романсов. Остальные он поёт под фортепиано. Хорошо, что была магнитофонная запись. Некоторые романсы я знал. Прорепетировали, пообедали по- человечески с водочкой. На концерте было много публики, много аплодисментов. Я тоже соло играл, что давало возможность певцу отдохнуть.

После он меня взял на свои гастроли. Концерты были совместными. Первое отделение — Огневой. Аккомпанирует ансамбль: контрабас, ударные, электрогитара, и я. Второе отделение для романсов. Аккомпанемент тот же. Петренко Огневой больше не приглашал. Не мог простить предательства.

Помню смешной случай. Даём концерт на летней площадке. Огневой на эстраде поёт романс «Мне снился сон, что ты меня ласкала…». В это время внизу огромная чёрная собака начинает подвывать и лаять… Константин продолжает: «От счастья плакал я. Я так любил…». Собака воет ещё громче. Огневой остановился и говорит: «Уберите собаку, она мешает петь». В первом ряду поднимается очень поддатый мужик и говорит: «Пойте, она не кусается».

Участвовал я и в другой интересной концертной программе. Стихи Гарсии Лорки читала заслуженная артистка Людмила Джигуль, а я играл «Испанские народные песни» в обработке Лорки для фортепиано. Я сделал вариационные обработки этих песен для гитары. Программа имела очень большой успех.

Когда я по плану «Союзконцерта» гастролировал по Сибири, часто приходилось делать остановки в Москве в Домодедово и совершать переезд во Внуково, а затем самолётом в Киев. Часто

были случаи, когда между прилётом и отлётом было много времени. Тогда я заезжал к Евгению Ларичеву. Мне было интересно с ним общаться. У него университетское образование. Он прекрасно владел гитарой. Талантливый аранжировщик русских песен и, наверное, нет такого гитариста, который бы не играл его пьесы. Галина, его жена тоже гитаристка. Красивая и хлебосольная. Готовила нам закуски, и мы по рюмке водки выпивали разговаривая о гитаре, гитаристах. Это был настоящий артист и большой души человек. Евгений умер в 2013 году на восьмидесятом году жизни, пережив свою жену на два года.

Были у меня встречи и со Славским Владимиром. Он был инвалидом без обеих ног. Преподавал гитару в музыкальном училище имени Октябрьской революции. У всех концертирующих в Москве зарубежных гитаристов выпрашивал ноты для гитары, которые не издавались в СССР и составлял сборники для публикации. За это ему большое спасибо, но, как с человеком, у меня с ним не сложились дружеские отношения.

В ту пору я собирался сыграть гитарный концерт композитора Марио Кастельнуово — Тедеско. У меня была копия партитуры, но очень плохого качества. Заехал в Харьков попросил своего друга Ивана Балана переписать эту партитуру. Он подрабатывал переписчиком нот. У него был хороший почерк. Тот согласился. Но мне представилась возможность заехать к Славскому — я летел на очередные гастроли. Зная, что у него много нот, захватив бутылку водки, я пришёл к нему. Клавир у него был. Я купил у него за десять рублей. Попросил меня поиграть. Когда я закончил игру, он сделал мне замечание о моём неправильном звукоизвлечении. Я попросил показать, как правильно. Но он отказался, заявив, что он не исполнитель, а преподаватель.

В то время в среде гитаристов шла отчаянная борьба между сторонниками старинного способа звукоизвлечения и нового, более виртуозного. Славский был приверженцем старого способа. В конечном счёте, мы разругались. Позже мы встретились в Донецке на гитарном фестивале, организованном братьями Иванниковыми — Аркадием и Павлом. Я с симфоническим оркестром играл свой концерт для гитары и оркестра, посвящённый Лео Брауэру, кубинскому гитаристу и композитору. Но и тут Славский не удержался от того, чтобы не «укусить» меня. Он заявил гитаристам и своим ученикам, будто я передрал его у Лео Брауэра. Славский, того не ведая, сделал мне комплимент. Если моя музыка была близка к музыке кубинца, то значит посвящение удалось. Его ученики испортили мне кожаный плащ, облив его ацетоном.

В то время партийная идеология проникала во все сферы

жизни. Не оставила она без своего влияния и артистов. Нас заставили принять повышенные социалистические обязательства. На моё заявление о том, что я обязуюсь выучить новую программу, мне сказали, что я и без того должен за год выучить новую программу и потребовали от меня что-нибудь свеженькое. Ну, я и выдал им «свеженькое». На общем собрании коллектива мне дали слово. Зал замер. Все знали, что я противник всяких глупостей, которые происходили в этом зале.

— Товарищи, — говорю я, — у меня в понедельник поездка в Германию на гастроли. Я беру повышенное социалистическое обязательство влюбить в себя немку со всеми вытекающими отсюда последствиями. В зале смех, а меня удалили с собрания.

Приехал в Лейпциг. Меня хорошо встретили и поселили в гостиницу. Переводчица, молодая красивая немка, лет тридцати, брюнетка среднего роста, как она мне рассказала — увлекается конным спортом, сразу привлекла моё внимание. На концерте она объявляла мою программу. После концерта захотела, чтобы я поиграл в её номере. Вернулись в гостиницу, я взял бутылку водки и зашли в номер к ней. Разлили по стаканам. Но она пить не стала, взяла стакан и вылила в унитаз. «Водку будешь пить с друзьями, а сейчас ты у женщины».

Когда собрались, как говорят немцы, «цу бет» (в постель), и я должен был выполнить своё повышенное соцобязательство, раздался телефонный звонок: «Мы знаем, что гитарист Полухин у вас в номере. Пусть покинет номер». Она отвечает: «Его у меня нет. Завтра я пойду к консулу и напишу на вас жалобу». Я взял гитару и быстро пошёл в свой номер. Утром ко мне пришёл человек в сером костюме, мы таких называли «игрок на мягком гобое» и спрашивает: «Где вы были ночью?». Отвечаю: «Был в ресторане «Погреб Ауэрбаха». Он: «Неправда, вы были у переводчицы и вас больше не пустят на зарубежные гастроли». Я ему возразил: «Если нас не будут пускать, то кто будет для страны зарабатывать валюту?».

Я пообещал переводчице, что вызову её в Киев. Когда попытался это сделать через ОВИР — отдел виз и регистраций, то на меня наорала женщина-капитан МВД: «Что, тебе своих не хватает?» и выгнала. Позже мы встретились, но она увидела, что я уже не тот и уехала. А я так и не выполнил свое повышенное соцобязательство.

Продираясь сквозь тернии жизни

В 1972 году я работал в театральном институте на должности преподавателя кафедры музвоспитания. Учил будущих актёров игре на гитаре. Как-то подходит ко мне студент и говорит: «Мой папа, режиссёр, Анатолий Слюсаренко, снял документальный фильм и хочет, чтобы вы написали к нему музыку и исполнили её на гитаре». Я пришёл на студию документальных фильмов. Анатолий Слюсаренко показал мне фильм о войне. Немцы сожгли вместе с людьми всё село. Такое же, как Хатынь. Я написал очень печальную музыку и сыграл её. Фильм показали по телевидению. Читаю титры: режиссёр Анатолий Слюсаренко, музыка Анатолия Слюсаренко, гитарист Пётр Полухин.

Конечно, авторский гонорар я не получил. За исполнение заплатили какие-то копейки. Фильм получил в Польше на краковском международном кинофестивале диплом, на московском — тоже диплом. Значительно позже этого Анатолия Слюсаренко уволили из киностудии и из Союза кинематографистов за финансовые злоупотребления и сотрудничество в годы войны с немцами.

Киев. Репетиция

Киевское отделение фирмы «Мелодия» заказало мне музыку для сопровождения детских стихов Ефима Чеповетского, которые будут записываться на грампластинку. Проделал большую работу.

Написал партитуру для малого симфонического оркестра. Пластинка называлась «Стишинки—смешинки». Читает автор, а композитор — не указан. Естественно, денег мне не заплатили.

Однажды мне сказали, что меня разыскивает редактор радио-литературных программ — Новоселитская Нина Мироновна. Пришёл к ней на теле-радио студию. Меня встретила высокая, полноватая женщина с большими тёмными глазами. Она дала мне сценарий радио- спектакля и попросила написать к нему музыку. За музыку к спектаклям мне платили по двести рублей. Я написал музыку к более чем двадцати спектаклям.

Видимо, моя музыка нравилась слушателям. Со мной студия сотрудничала много лет подряд. Однажды Нина Мироновна звонит мне по телефону и говорит:

— Пётр, у нас появились деньги, и мы сможем платить вам по триста рублей за спектакль. — Нужно написать музыку к постановке по повести Эрнеста Хемингуэя «Старик и море». Актёры — Богдан Ступка и его сын. Придите и возьмите сценарий. Пришёл. Взял сценарий и ушёл в хорошем настроении — акции мои поднялись.

При записи музыки я приглашал лучших музыкантов оперного или симфонического оркестров. Партию скрипки всегда исполнял мой партнёр по дуэту Богодар Которович. У него ставка — пять рублей минута. Отыграл тридцать минут и получил сто пятьдесят рублей. Пригласил меня в ресторан. За рюмкой в шутку спрашиваю: «Кто лучший композитор — Бетховен или Полухин? Отвечает: «Конечно, Полухин. Мне за Бетховена столько не платили».

Я с упоением работал, когда писал музыку к спектаклю «Старик и море». Латиноамериканская музыка мне была знакома. Румба из этого спектакля стала популярной. Её играют солисты-гитаристы, дуэты и квартеты. Интересный момент. Прослушав музыку к спектаклю, Нина Мироновна спрашивает: «Где драматическая музыка, когда акула терзает рыбу?». Отвечаю: «Акула только за дополнительную плату». Добавила сто рублей и записала это в контракт.

Как-то на Крещатике я встретил композитора Александра Осадчего. Не приветствуя, говорит мне:

— Я слушал какую ты полову пишешь для фильмов…

— Саша, — отвечаю, —знаешь какая разница между мной и тобой? — Мне заказывают эту полову, а тебе не заказывают потому, что ты не умеешь писать. Ты можешь писать только песни, которые никто не поёт.

В композиторской среде у меня было много друзей с которыми я часто общался. Мой друг Владимир Губа — очень

талантливый композитор. Написал музыку к сорокам фильмам и десяти мультфильмам. Он входил в группу киевских композиторов-авангардистов, в которой состояли такие композиторы, как Валентин Сильвестров, Леонид Грабовский, Виталий Годзяцкий, Василий Загорский. «Мы встречались, обсуждали новые опусы, — а вечерами играли в футбол, — рассказывал Владимир мне. Однажды они играли с футбольной заводской командой. Игроки завода были глухонемыми, и композиторы им проиграли. «Ну, конечно, заметил Валентин Сильвестров, — у них все Бетховены».

В 1976 году начал работать на договорных условиях в филармонии. Я начал часто выступать на телевидении, меня охотно приглашали. Играл только, как говорят музыканты, живьём. Не имел страха. Я знал себе цену. Богодар Которович публично выступал только под фонограмму. Операторам это было неудобно — надо делать фонограммы, иногда несколько дублей. Были моменты, когда кто -то не может прийти на передачу — звонят мне — я всегда готов. Был однажды смешной случай. Играл скрипач Аркадий Винокуров под фонограмму. Во время передачи у него выпал из рук смычок, он нагибается его поднять, а музыка продолжает звучать.

После написания музыки к документальным фильмам я решил себя попробовать в написании музыки к другим телефильмам. Это мне удалось. В 1980 году мне заказали музыку к очередному телефильму. За неделю я должен был написать для оркестра музыку, где кроме всего прочего, есть производственный двухминутный эпизод: цех завода с работающими станками. Понимая, что не успею, я позвонил своему другу — Владимиру Быстрякову. Он пианист, лауреат конкурса имени Бедржиха Сметаны. Проявил себя, как талантливый композитор. Это его песня «Куда уехал цирк» в исполнении Валерия Леонтьева, стала хитом. Попросил его написать музыку к этому эпизоду. Он согласился. Я ему заплатил гонорар за работу. Познакомил его с музыкальным редактором «Телефильма». Думаю, что это было для него очень полезным знакомством. Кроме огромного количества песен, он написал музыку к более, чем ста пятидесяти фильмам и телефильмам. Впоследствии стал ещё и писателем, автором юмористического цикла «Байки от Вовчика».

Одну очень смешную историю рассказывал мне. Это случилось, когда он работал аккомпаниатором у народного артиста Украины Константина Огневого. Однажды у них был концерт в Мариуполе. Перед концертом директор дворца культуры приказал уборщице протереть от пыли рояль. Она забыла, а когда начался концерт — вспомнила. Во время концерта

появилась с оранжевой тряпкой (старые трусы) и стала вытирать рояль. Публика ржёт в отпаде. Огневой не может понять: «В чём дело?». Посмотрел на брюки — застёгнуты, замолк. Публика в истерике! Огневой и аккомпаниатор старуху не видят — она сзади рояля выполняла приказ директора, тщательно протирая ножки рояля. Затем она переместилась. Взяла за локоть Огневого, извинилась и продолжила вытирать рояль. Появившийся директор утащил старуху со сцены.

Недавно узнал, Владимир Быстряков не прогнулся перед бандеровской хунтой, не продался, как некоторые «гитарасты» типа Шилова. За свои критические высказывания в адрес организаторов «Евромайдана» и его последствий, был занесён в базу сайта «Миротворец».

Становлюсь заслуженным артистом

В 1981 году меня в филармонии с договорных условий перевели в штат с оплатой по факту. Сколько отыграю — столько и получу. Играл сольные концерты. Часто — в дуэте со скрипачом Богодаром Которовичем, с клавесинистом Николаем Сук. Приходилось играть с литовским камерным оркестром (дирижёр Саулюс Сондецкис). Иногда — с квартетом имени Николая Лысенко.

В доме, где жил Лысенко (в трёхстах метрах от моего) имеется его бюст, вделанный в стену дома. Проходя мимо, я часто думал: «Неважнецкую ты, Коля, музыку писал. Наверное, потому, что преподавал в институте благородных девиц. Не было времени для вдохновения. Прав был Пётр Ильич Чайковский, когда писал: «Вчера был у малороссийского композитора Николая Лысенко. На первое была музыка, а на второе — вареники. Второе оказалось лучшим».

В киевской филармонии я играл с французским флейтистом Аленом Девенкуром, с виолончелистом Червовым, со студенческим квартетом, где первую скрипку играет моя дочь Мария Полухина.

Моя дочь Мария

Со студенческим оркестром. Слева —первая скрипка, дочь Мария

Играли концерты Вивальди. Вторая моя дочь — Дарья закончила музчилище по классу гитары. Работает в музыкальной школе.

Дочь Дарья со своими учениками

В зале Капеллы Санкт-Петербурга мне тоже приходилось играть. За ним установилась репутация идеального в акустическом отношении зала. Проблему достижения хорошего резонанса архитектор разрешил, сконструировав пол и потолок в виде скрипичной деки. Здесь я играл с пианистом Пейсаховым свой концерт в обработке для гитары и пианино.

Конечно, не всегда мои выступления проходили идеально, без каких- либо юмористических происшествий. Незабываемый

был концерт с профессором, гитаристом Николаем Михайленко Мы были друзьями. Он попросил сыграть со мной дуэт, когда у меня будет концерт в зале филармонии. Выбрали дуэт Карулли. Это серенада в четырёх частях. Вскоре такая возможность представилась. В программе концерта дуэт шёл первым номером. Я должен исполнять партию первой гитары, а Николай — второй. Начался концерт. Вижу, что Николай после большого бодуна. Хорошо, что у меня на пюпитре стояли обе партии. Прыгал, как заяц, играя, то первую партию, то вторую, в местах, где была мелодия. Такого кайфа давно не получал, меня давил смех. После концерта Николай извинялся. Объяснил он своё состояние: «Перепил у друга на дне рождения».

Больше я с профессорами не играл —-только с настоящими артистами. Да, ещё был случай — я написал музыку к телефильму, трио —фортепиано гитара и контрабас. Контрабасист сказал, что его жена профессор, преподаёт фортепиано в консерватории, свободно играет с листа. Она такое наиграла, что пришлось этот номер выбросить.

Еще был случай, правда, не со мной — с моим другом. Не могу назвать имя — он известный артист, работает на телевидении в Киеве. На гастролях поселили его в номере на двоих с молодым парнем-рабочим сцены. Парень купил бутылку водки, килограммовую банку гороха со свининой и собрался обедать. Поставил банку на электроплитку, а в это время зашёл мой друг и говорит: «пойди погуляй, а я с девушкой пообщаюсь». Парень ушёл, забыв выключить электроплитку. В самый кульминационный момент общения любовников — банка нагрелась и взорвалась. Горячий горох, не хуже осколков разорвавшейся мины, полетел в разные стороны. Горох обрызгал стены и потолок. Пришлось всё мыть и заново красить.

В 1982 году встретился с директором филармонии Аркадием Лобановым.

— Твои документы на звание «Заслуженный артист», — сказал он, — отправлены в Министерство культуры, но министр Романенко Алексей Корнилович, хочет тебя послушать в концерте. — Сколько тебе надо времени на подготовку концерта?..

— Думаю, что через месяц буду готов, — ответил я. — Всё зависит от готовности музыкантов, с которыми буду играть.

Со струнным квартетом филармонии подготовили программу для первого отделения: Гайдн — «Квартет с гитарой». Вивальди — «Концерт ре мажор для гитары и струнных» и Карулли — «Концерт для гитары и струнных». Второе отделение

сольное и виртуозное: Альбенис — «Астурия, Торроба — «Кастильская сюита», Турина — «Севилья», Паганини — «Венецианский карнавал», Таррега — «Арагонская хота».

Концерт был в мае. В зале битком, даже на балконе были слушатели. Это меня успокоило и волнения не было, а было желание сыграть так, чтобы у Министра культуры не было сомнений в моём мастерстве. От него зависело моё звание, которое давало прибавку к моей заработной плате. После концерта публика устроила мне овацию и многие пришли за кулисы брать автографы.

Директор Аркадий Лобанов подошёл с министром, который раньше был ректором пединститута. Поблагодарили за игру. Министр спрашивает: «Почему у тебя я длинные волосы?» Отвечаю: «Товарищ, министр, когда директор филармонии сказал мне, что вы будете на концерте, я занимался целыми днями, иногда забывал пообедать, вы понимаете, — не было времени постричься. Но завтра же постригусь». «Хорошо, — заметил он, — а то у вас вид какого -то битла, а не солиста филармонии. Да… У вас пальцы бегали, как у моей машинистки». «И это министр культуры», — подумал я.

В киевской филармонии, особенно, после того, как мне заслуженного дали, стали меня, как говорится, во все дыры запихивать. Включили в бригаду по обслуживанию работников села. Можете себе представить: концерт на поляне под яворами. Играю «Серенаду» Малатса, а вокруг овцы блеют, коровы мычат не доенные. Доярки, забыв про них, внемлют чудным звукам гитары. Абсурд! А отказаться нельзя… Я был членом художественного совета.

Позвонили из концертного отдела. Я должен на следующий день, в десять утра, ехать на гастроли в составе ведущих артистов филармонии. Приехал в филармонию. Там собрались артистов десять человек и лектор ЦК партии — Герой Советского Союза, лётчица. Сели в автобус и поехали в аэропорт «Жуляны». Программа называлась «Агитперелёт: «Борьба за мир в действии». Маршрут: Харьков-Луганск-Донецк. Прилетели в Харьков на следующий день. Лекция и воспоминания лётчицы, а вечером концерт в зале. Потом мы прилетели в Луганск. Я даже в гостинице не поселялся, узнал, где концерт вечером, на такси и к матери.

После Луганска перелетели в Донецк. После последнего концерта в Донецке, нам устроили прощальный банкет. В то время СССР был в авангарде борьбы за мир. Самые популярные в стране композиторы писали на слова не менее выдающихся поэтов песни в защиту мира. Достаточно вспомнить песню

Аркадия Островского на слова Льва Ошанина: «Пусть всегда будет солнце», или песню Эдуарда Колмановского на слова Евгения Евтушенко: «Хотят ли русские войны?». Фольклор тоже не отставал от маститых авторов. На банкете всех насмешила частушка, спетая одной из наших артисток: «С неба звёздочка упала — прямо милому в штаны. Пусть там всё повыбивает — лишь бы не было войны».

Осенью у нас с Которовичем плановые концерты в Луганске и в Донецке. Приехали в Луганск. Концерт в филармонии, а после банкет у Михайлёвых. Виктор, гобоист и композитор, его жена — Евгения, музыковед филармонии. С Виктором мы учились на одном курсе в музучилище. Он замечательно играл джаз на саксофоне.

Я на такси поехал к матери, а Богодар в гостиницу. Мать положила мне в сумку жаренную курицу, помидоры, огурцы, хлеб и две бутылки вина из винограда «Изабелла», завернув их в газету. Виноград рос у нас в саду и мать делала из него отменное вино. Бутылки ей давали соседи из приёмного пункта стеклотары. Она их мыла, проваривала кипятком, наливала вино и закрывала сухим кочаном кукурузного початка. Мать готовила еду на керогазе, который разжигала денатуратом.

Я приехал на вокзал. Было прохладно. Которович меня ожидал. Мы были одеты в кожаные пальто и кожаные кепки. Ну, точно, как агенты ЧК! Богодар похож был на Феликса Дзержинского — худой, злой, но только без бороды. Сели на лавках, напротив друг друга. Я положил футляр с гитарой на колени и начали трапезу. Съели курицу. Говорю: «Богодар, а теперь надо полирнуться». Освободив бутылки от газет, я налил стакан вина Богодару и себе. Смотрю, а у деда, который сидел на лавке напротив, глаза на лоб полезли. Повернул бутылку, а там неклейка «ДЕНАТУРАТ». Хотели угостить и деда, но он отказался.

Позже у меня состоялись концерты в Чернигове и в Нежине. Последний славится маленькими огурчиками, засоленными в банках, которые в продаже очень редко бывали — всё шло на стол правительству. В Чернигове после концерта меня пригласил к себе домой замечательный гитарный мастер Николай Ещенко, на гитаре которого я играл. Были вареники с творогом, с капустой, с картошкой и вино. От водки я отказался. Потом Николай показал свою новую мастерскую. Гитар не было, их раскупали быстро. Заказы ждали годами. Последние годы он старался не делать палисандровые гитары — у него была аллергия на палисандровую пыль, приходилось работать в противогазе.

Приехал я в Нежин на автобусе — это город в Черниговской области, концерт в нежинском педагогическом институте имени Николая Гоголя. Раньше это была гимназия высших наук, которая по уставу приравнивалась к университету. Здесь 1821—1828 учился Николай Гоголь. Над входом вделана в стену мемориальная доска, на которой сообщается, что в этих стенах учился Николай Гоголь. Несколько залов отведено под литературно- мемориальный музей Н. В. Гоголя. Концерт днём, в шестнадцать часов. В программе итальянская и испанская музыка. Когда я почувствовал, что контакт с публикой налажен и мне стало легко играть, в зал заходит преподаватель и громким голосом кричит: «Заканчивай, сейчас здесь будет собрание!». Я поднялся и говорю: «Собрание важнее концерта гитариста?». «Ты у меня поговори, — заорал он угрожающе. И это преподаватель, который должен сеять «разумное, доброе, вечное»…

Я поехал на автовокзал, хорошо, что был рейс на Киев, купил билет и скорее от этого хамства.

После этого у меня состоялось два концерта, один в Днепропетровске, а другой в Кривом Роге. В Днепропетровске меня встретил Михаил Анисимович Флейтман — гитарист и создатель гитарного дуэта. Он стал известен, как изготовитель чудесного самогона, фирменного, с наклейкой «Анисимовка шестиструйная». Преподаватель он был отличный. Его ученики очень уважали.

После Днепропетровска меня на автобусе повезли в Кривой Рог. Концерт в два часа дня в ПТУ. Вышел на сцену, сел и ожидаю, когда зал утихнет. Как я понял, что они даже не заметили меня, разговоры, смех. Я поднялся и говорю: «Ребята, прошу внимания, потерпите пятнадцать минут, я поиграю. Такая у меня работа — я не могу не играть. Я бы заплатил свои деньги, лишь бы не быть здесь, но не имею права — должен нести искусство в массы, даже если массы этого не хотят». Притихли. Я сыграл несколько пьес и ушёл переодеваться в комнату. Забегает начальник по культурно просветительской работе и орёт: «Что ты нам халтуру толкаешь? — Почему не пел?». Отвечаю: «Простудился и потерял голос». Потом, когда я был по своим делам в министерстве культуры, Виктор Комыня, с которым я учился в консерватории, а сейчас он начальник отдела по письмам, показал письмо -жалобу из Кривого Рога, о том, что я халтурщик — «не пел, а что — то брынькал».

Однажды мне позвонила музыковед из союза композиторов: «Приедет французский флейтист Ален Девенкур. Ему нужен гитарист». Меня это заинтересовало. Музыковед показала мне ноты произведений и сказала, что концерт состоится через месяц.

Программа концерта была довольно насыщенной:

1. И. — С. Бах: «Соната до мажор».
2. Ф. Шуберт: «Оригинальные танцы».
3. М. Джульяни: «Большая соната ля мажор».
4. Н. Паганини: «Концертная соната ля мажор».
5. Э. Вилла- Лобос «Подношение цветов».
6. В. Буркхард: «Серенада».
7. М. Равель: «Пьеса в форме хабанеры».
8. Ж. Ибер: «Антракт».

Программа очень сложная, но у меня был опыт ансамблевой игры, и я согласился, забыв посмотреть условия контракта. Трудился, как раб на галерах, изучал партитуру сочинений, практиковался по 4 часа в день. Приехал флейтист и мы стали репетировать. Он начал мне ставить в пример гитариста Роналда Дьенса, с которым играл во Франции. Я ему возразил: «У нас три репетиции, не допускайте вольностей, играйте ритмично и всё будет окэй». Он почувствовал, что я могу его послать и уйти. Успокоился. Концерт прошёл с большим успехом. Он такого не ожидал.

Пришёл в посольство Франции за гонораром, а посол мне говорит, что со мной контракта не заключал. — «Музыковед сказала мне, что с вами договорилась. Обращайтесь к ней». Пришлось мне разыграть дипломатию и сказать, что позвоню послу Аргентины Луису Бакериза, и расскажу ему, как со мной поступили французы. Думаю, что это его испугало. Он заплатил мне 50 долларов, налил мне вина— какого-то кисляка. Как говорится, с паршивой овцы, хоть шерсти клок.

Одесса — особенный город и люди там особенные. Кто там только не проживает: русские, украинцы, евреи, греки, молдаване, и все они любят свой город. Любят музыку и очень многие — серьёзную. Раньше было, если ты с успехом играл в Одессе, то тебе открыты двери в концертные залы всех городов. Это был второй Париж. Евреи уехали в Израиль, залы опустели и стал город обычным. Я приезжал, администраторы никогда не встречали. Приходилось на такси добираться до филармонии. Здесь был смешной случай.

Приехал как-то скрипач, лауреат первой премии имени Паганини — Олег Крыса с женой пианисткой. Зашли в филармонию, и Олег говорит администратору: «Вот мы и прибыли». Тот отвечает: «Какие там прибыли?.. От вас только убытки».

Прибыл я в Одессу играть сольный оркестр. Директор филармонии меня хорошо знал, много я там программ сыграл. В его кабинете мы разговаривали о разных делах. Вдруг он

спросил: «Какого я мнения об гитаристе Анатолии Шевченко?». Я сказал, что это хороший гитарист, с большим потенциалом, и вы не прогадаете, если его возьмёте на работу. Я не ошибся.

После моего концерта, я и другие гитаристы, а среди них было много талантливых, собрались в мастерской скрипичного и гитарного мастера Мочалова, сына знаменитого гитарного мастера Мочалова, на гитаре которого играл Петренко. Я тогда играл на гитаре Ещенко, а после на гитаре Михайлова. Всё гитаристы меня поздравляли с премьерой концерта, и мы неплохо отметили это событие.

В органном зале с Богодаром Которовичем

В Одессу приезжали мы с Богодаром Которовичем, когда начали играть дуэтом. Помню, играли в старинном особняке «Дом Толстого». Много было преподавателей из консерватории. Наша программа: Никколо Паганини, Мануэль де Фалья, «Испанская народная сюита» Мирослава Скорика. Накануне второго концерта Михаил Божий нас пригласил на обед. Его жена Ольга Петровна дала нам немного настойки «Золотого корня». Сказала, что это тонизирующий напиток. Богодар попросил добавки, но она сказала: «А не многовато? У вас же вечером концерт». Богодар сказал, что это не опасно — концерт мы играем в любом состоянии.

Мы почувствовали какой- то прилив энергии. И на концерте играли в таких бешеных темпах, что к нам можно было применить термин Олега Крысы — «уголовно быстро». Преподаватели консерватории были поражены — играли совсем другие исполнители.

Созданию дуэта Которович — Полухин способствовал я. Когда Которович приехал из Италии, где участвовал в конкурсе Паганини и стал лауреатом, заняв второе место. Об этом сообщалось в украинских газетах. Я пришёл в консерваторию, где он преподавал. Показал ноты «Сонаты для скрипки и гитары» Никколо Паганини и предложил поиграть. Он неохотно согласился репетировать. Подготовили одно отделение.

В состоявшемся концерте в зале филармонии первое отделение Которович играл с фортепиано, а второе со мной. Публика сонаты приняла восторженно. Красивые итальянские мелодии, виртуозное исполнение сделали своё дело. Богодар увидел, что это новое и перспективное дело. Мы переиграли Паганини всё, что было издано у нас. Играли в во всех столицах СССР и за рубежом. Записали пластинку. Высокой была оценка в США. «Это наилучшая запись Паганини, осуществлённая, когда - либо», — писал журнал «Гитар- Ревью».

Я с Богодаром и ведущей концерт

Кто-то может подумать, что все выдающиеся музыканты ведут аскетический образ жизни. Не пьют, не гуляют, с утра до вечера

не выпускают из рук инструменты и только музыка в их головах. Это не так. Мы с Богодаром были молоды и для нас ничто человеческое было не чуждо.

Случались и курьёзные случаи. Играли мы в музыкальной школе после обеда в ресторане. Сыграли одну сонату, я говорю Богодару: «У меня расстройство желудка», и побежал в туалет. Он играет часть сюиты Баха сам. После, он побежал. Я играю сам романс Паганини для гитары соло. Бегаем по очереди весь концерт. После к нам подошли преподаватели и спрашивают: «На афише написано „играет дуэт“, а играли больше соло?» Когда мы им рассказали причину, они смеялись.

После концерта в музыкальной школе

Как-то играли мы в Владивостоке. К нам на концерт пришёл гитарист Алексей МихайлОвич и пригласил к себе домой. Хороший дом, а в квартире расхаживает большой красный петух. «Вместо часов», — сказал Алексей. На другой день концерт в санатории. После концерта познакомились с девушками и пригласили на ужин. Рано утром у нас самолёт в Советскую гавань, а я чувствую, что не протрезвел. Богодар говорит: «Когда в аэропорту тебя будут что-то спрашивать — не отвечай, только кивай головой. Да или нет. Если ответишь — они поймут, что ты пьян и в самолёт не пустят». Приехали в аэропорт. Полно людей, была задержка рейсов из-за погоды. Мы подходим с билетами ко входу. Люди кричат: «Не пускайте их — они пьяные». Стоит милиционер, рыжий детина и спрашивает: «Гитарист?» Я кивнул головой. «Люблю гитару — проходи». Люди кричат: «Он пьян!». Он им в ответ: «Замолчите, когда вы видели трезвого артиста?».

Уже не помню, в каком-то городе на Севере России давали мы концерт в зале филармонии. К Богодару накануне в номер приходила любительница скрипки для общения с народным артистом. Гостиница была недалеко от филармонии, и я заранее пришёл туда, чтобы порепетировать. Пришёл Богодар — весёлый, наверное, вечер удался. Начали играть. Первый же виртуозный пассаж Богодару не удался. Второй —та же картина. Я ему говорю: «Уходи, я сам доиграю». Обращаюсь к публике и говорю: «У вас в зале очень холодно. Скрипач не в состоянии играть. Я буду играть для вас соло». У меня была такая программа, игранная годами, что разбуди, я и без подготовки сыграю.

Мы отыграли концерт в Кемерово. Следующий в Норильске. Прямого рейса нет, только через Красноярск. Послал я телеграмму в филармонию Красноярска, чтобы нам купили билеты в Норильск. Была зима. Прилетели в Красноярск. Администратор — мужчина без ноги говорит: «Извините, не успел купить вам билеты на сегодня. Завтра полетите». Он нас поселил в гостинице. Мы его пригласили в ресторан и на другой день вылетели в Норильск. В аэропорту узнали, что рейс, которым мы должны лететь вчера, разбился при посадке.

После концерта в музыкальной школе

Играли концерт в музыкальной школе, добирались, наверное, полчаса. Метель и сильный ветер сдувал с ног. После концерта преподаватели нас пригласили в ресторан. Спрашивали: «За какие провинности вас сюда сослали?». Я говорю, что мы из Киева, а «Союзконцерт» знает, что украинцы безотказные. Попробуй — откажись! И на два года тебе не запланируют концерты.

Летом, когда концертный зал киевской филармонии закрыт, дирекция устраивает концерты камерной музыки в музеях, в картинных галереях, в церквах, которые имеют историческую ценность и открыты для туристов. Мне устроили концерты в музее Андреевская церковь — памятник архитектуры восемнадцатого столетия, архитектор Растрелли. Я сыграл три программы подряд. Это было в 1983 году.

Испанская музыка:

— Луис Милан. «Три паваны».

— Гаспар Санз. «Старинные испанские танцы».

— Фернандо Сор. «Вариации на тему Моцарта».

— Хаокин Турина.«Севилья».

— Исаак Альбенис. «Кадис», «Отзвуки Калеты».

— Хаокин Малатс, «Испанская серенада».

— Висенте Гомес. «Мавританская гранада».

— Франсиско Таррега «Арагонская хота».

Итальянская музыка:

— Никколо Паганини «Романс для гитары и скрипки», «Три менуэта», «Венецианский карнавал».

— Винченцо Галилей. «Сюита эпохи Возрождения».
— Антонио Вивальди. «Концерт для гитары и струнных».
— Фернандо Карулли. «Концерт для гитары».

Латиноамериканская музыка:
— А. Барриос «Собор».
— М. Понсе «Мексикансая серенада».
— Ж. Пернамбуко «Индейский напев», «Бразильский танец».
— Лео Брауэр «Колыбельная», «Характерный танец».
— Х. Креспо «Мелодии инков».
— Х. Морель «Грустный танец».
— М. Анидо «Виталита».
— А. Синополи «Серенада — Каприччио».
— Э. Вилла — Лобос «Прелюдия», «Этюд номер пять».

Но один концерт я не забуду никогда. Ко мне обратилась заслуженная артистка Украины Лариса Хазым- Бек. Сопрано. Красивая, молодая женщина:

— Пётр, позволь в твоей программе «Итальянская музыка» спеть две старинные арии Луиджи Керубини «Аве Мария» и Клаудио Монтеверди «О, дайте мне…».

Состоялся этот концерт в колонном зале филармонии. Она своим пением заканчивала первое отделение концерта. Как она пела!.. Мне казалось, что это пение ангела, спустившегося на землю… И вскоре она умерла. У неё был рак. Это было последнее её выступление. Она прощалась с публикой.

В 1985 году у меня были концерты по крупным городам России, где есть филармонии и концертные залы для камерных исполнителей. Последним был Куйбышев, где, как я узнал позже, в театре оперы и балета пел мой однополчанин, певец хора ансамбля песни и пляски киевского военного округа, баритон —Анатолий Понамаренко. В то время он был уже народным артистом России. На концерте у меня не был, хотя в центре города я видел свои афиши. Мы с ним дружили. Жаль, не пришлось встретиться. Наверное, он был на гастролях.

Зато при возвращении у меня в самолёте произошла незабываемая встреча с другим знаменитым певцом. Когда в самолёте я сел в кресло, рядом со мною сел человек лет сорока, то мне показалось, что я его уже где-то видел. И тут я вспомнил: «Да это же народный артист России — Леонид Сметанников!».

— Вы Сметанников? — обратился я к нему.

— Да. А вы кто? — спросил он.

— Я гитарист Полухин…

— Видел я ваши афиши, — с улыбкой проговорил он, — Не мешает выпить за знакомство.

Он тут же открыл «дипломат». Достал бутылку армянского коньяка и добротную закуску: бутерброды с колбасой и сыром. Разлил коньяк по мельхиоровым стаканчикам, но подошедшая стюардесса заметила, что распивать в самолёте спиртное не положено. Но узнав, кто мы, сказала: «Только чтобы всё было не очень заметно».

Выпили. Закусили. Разговорились.

— Леонид, — сказал я ему. — Народная песня «Выйду я на улицу» в твоём исполнении — шедевр. Производит большое впечатление на меня. Но когда ты поёшь русский романс Фета «Сияла ночь», то в нём делаешь существенную ошибку. Ты поёшь: «Рояль был весь разбит и струны в нём дрожали…». Леонид, Афанасий Фет, был дворянин, у дворян не были разбитые рояли. Это в наше время в клубах стоят разбитые рояли и всё исполнители так поют. У Фета в стихах написано: «Рояль был весь раскрыт…».

— Ну, надо же! Пётр, я всегда так пел. Спасибо. Теперь буду петь, как у Фета.

Я ему рассказал, что выступаю с народными артистами: Дмитрием Гнатюком, Константином Огневым, Дмитрием Тимохиным и, что в киевском оперном театре по понедельникам устраивают вечера старинного русского романса. Его это заинтересовало: «Предложу и своим организовывать подобные концерты», — заверил он. Так за дружеской беседой, с коньячком, который сделал нас более свободными в общении, мы прилетели в Москву.

Я часто слушаю в его исполнении песню «Выйду я на улицу». Великий певец. В этой песне показана русская удаль, широта русской души. Замечательный голос. Мне кажется, что это последний великий певец из плеяды русских певцов.

Вторая женитьба

Однажды, пью кофе в кофейне. Заходит знакомая девушка с парнем. Её зовут Ольга, я с ней был знаком семь лет назад, когда ей было восемнадцать. Но мы не виделись более года. Увидев меня, подошла. «Почему ты отворачиваешься?» — спрашивает. Отвечаю: «Ты с парнем, и я не хочу тебе мешать устраивать личную жизнь». Она меня заверила, что это не её парень, а сотрудник клуба «Пищевик», где она работала художником.

Я взял ей кофе, пьём и ведём беседу. Рассказываю, что уже год, как в разводе. Она мне говорит: «Ты обещал, когда разведёшься — женишься на мне». «Если обещал, — говорю, — то свои обещания выполню. Когда пойдём в ЗАГС подавать заявление?». Ответила: «Хоть сейчас». Я звоню своему другу, директору филармонии Аркадию Лобанову:

— Я женюсь и зайду к тебе с шампанским.

— Ты что?.. Только год на свободе и опять? — удивлённо говорит он.

— Я обещал девушке, — говорю.

ЗАГС находился в пяти минутах ходьбы от дома Аркадия. Но заявление у нас не приняли. Оказывается, в двадцать пять лет она не поменяла фотографию на паспорте, а ей было уже чуть больше. Ольга расстроилась, мы зашли в гастроном, купили коньяк, шампанское и пошли к Аркадию. Дверь нам открыла Наташа — жена Аркадия. Она музыковед, дочь профессора Павлюченко. Стол был уже накрыт.

Семейное фото. Я с женой Ольгой

Ольга поменяла фотографию. Нас расписали. Я на восемнадцать лет старше неё. У нас родился сын в 1986 году. Это год Чернобыльской катастрофы. Родители Ольги поменяли Новую Каховку на Киев. Люди бежали из Киева и охотно менялись на другие города. Мы жили у родителей. Потом министр культуры дал мне временное жильё. Я предложил дать сыну имя Стронций, но родители Ольги и она воспротивились этому и дали имя отца Ольги — Борис. Жаль. Звучало бы, как имя

римского императора.

Мы с Ольгой в гидропарке Киева

Моя квартира в Киеве. Ольга, гостья в подаренном Ольгой платье старинной ручной работы и я

О гастролёрах и Валерии Петренко

Помню, в Киев приехал итальянский гитарист, не помню фамилию, Зал был полон. На сцену вышел мужчина около пятидесяти лет, с усиками и приятной улыбкой. Ведущая, полноватая красивая еврейка, объявляет: «Каркасси, этюд ля мажор». Далее, программа третьего класса музыкальной школы. Конечно, такого на сцене я ещё не слышал и получил удовольствие наблюдать, как пятидесятилетний горе-артист играет детские пьесы. После концерта он нам рассказывал, что он столяр, бизнес пошёл плохо и знакомый импресарио устроил ему концерты в СССР.

Не лучшим был концерт французского гитариста Жан-Пьер Жюмеса в большом зале консерватории. Он начал концерт Чаконой Баха. Играл по нотам. Сыграв страницу, он останавливался, говорил: «Пардон», переворачивая страницу, играл дальше. Снова останавливался. И так все двенадцать страниц текста. Длительность пьесы четырнадцать — пятнадцать минут. Он играл вдвое больше. После концерта меня спросили о впечатлении. «Уж очень много он напардонил», — был мой ответ.

Валерий Петренко, когда начал аккомпанировать народному артисту СССР Юрию Гуляеву, видя его успех, его гонорары, понял, что классическим репертуаром популярность не заработать — начал играть фламенко, стучать каблуками, как танцоры фламенко и даже петь собственные песни. Тогда я понял, что Валере, как гитаристу классического стиля пришёл конец. А был виртуоз экстра класса.

Я был на всех его концертах, мои концерты, видимо, он не посещал. Наверное, не хотел терять своё драгоценное время, разучивая пьесы фламенкиста Пако де Лусия. Когда русский гитарист играет фламенко — это тоже самое если бы испанец, играл на балалайке. Чтобы играть фламенко, нужно родиться в Андалусии и впитать в себя с молоком матери дух этой области Испании. Музыка фламенко не всегда поддаётся написанию нотами. Поэтому, смешно и наивно выглядят русские гитаристы, копируя игру великих фламенкистов.

Можно скопировать всё, многие гитаристы копируют даже великого Сеговию. Альфред де Мюссе — французский поэт сказал: «Мой стакан небольшой, но я пью из своего стакана». Даже небольшие достижения приносят удовольствие, когда они собственные. Копии хороши в начальном ученическом периоде. Художники начинают тоже с копирования великих.

Однажды я пришёл на очередной концерт Петренко. Зал был почти полон. Много гитаристов приходили на его концерты. Меня многие знали, но на мои концерты не все ходили. Но я им тоже портил настроение, когда играл на телевидении, а играл я часто в дуэте со скрипкой, с клавесином, с квартетом. Мне сказал один остряк: «Включаю первый канал — ты с Которовичем, второй — ты с сольным концертом, третий, — опять ты даёшь интервью журналисту». На этом концерте Петренко играет, публика аплодирует. Валерий с улыбкой принимает аплодисменты. У него улыбка, как на картине художника Александра Иванова «Явление Христа народу». Там на переднем плане улыбается персонаж… Уж очень похожая улыбка. Ведущая концерт объявляет: Пако де Лусия — румба «Между двух вод». Когда Валерий спросил меня о румбе, которую он играл впервые, я откровенно сказал, что слышу румбу между двух ног.

Помню, я был на гастролях в Харькове, после концерта ко мне подошла женщина с дочерью и говорит: «Дочь учится у Ивана Балана. Не могли бы вы её послушать?». Я сказал, что у меня нет времени, я опаздываю на поезд, но если она учится у Ивана Митрофановича, то будет прекрасной гитаристкой. Имя девочки — Галина Вернигора. Прошли годы. Как -то я увидел на украинском телевидении её выступление. Играла уверенная в себя артистка. Потом она вышла замуж за англичанина, поменяла фамилию. Она не повторимая, с яркой, виртуозной игрой. Мне гитаристы говорят: «Она жеманная кукла». Я слушал видео запись концерта в Португалии, когда она на бис завязывает себе глаза и играет «Двадцать четвёртый каприс» Паганини Я им ответил: «Завяжите себе глаза и сыграйте хотя бы „Во поле берёза стояла“ Иванова- Крамского, а после поговорим».

Несколько лет спустя пригласили нас: меня, Богодара и альтистку Мелу Таненбаум дать концерт в большом зале ленинградской консерватории. Программа первого отделения: «Шесть флорентийских дуэтов», «Романс» из «Большой сонаты для гитары» в сопровождении скрипки, «Соната ля мажор» для скрипки и гитары Паганини. Второе отделение: восемь этюдов - каприсов для двух скрипок Венявского. В малом зале консерватории играли «Квартет до мажор» Паганини, «Концертное трио для альта, виолончели и гитары», «Тио для скрипки виолончели и гитары», «Квартет ля минор», пригласив виолончелиста Виталия Мальцева.

Жизнь продолжается

Моя вторая жена Ольга — художник —оформитель, попросила меня взять её с собой в Ленинград. Она хотела побывать в Эрмитаже. Приехали. Нас поселили в гостинице «Европейская». Ольге захотелось попить чаю. Поставила стакан с водой в туалете номера на стеклянную полку и включила кипятильник. От нагрева стеклянная полка лопнула. Это грозило большим скандалом. Пришлось такую же полку выкрасть из общего туалета и заменить на лопнувшую. До сих пор мучают угрызения совести.

Ольга была беременна, когда рванул Чернобыль. Она уехала к родителям в Новую Каховку, но рожала в Херсоне, город который прославил Пушкин: «Уныл и мрачен град Херсон, тоскует хер и давит сон». Я остался в Киеве и с Олегом, братом Богодара, занимались дезактивацией, принимая молдавское вино. После я поехал к Ольге. Сына она родила двадцатого августа 1986 года. Когда я пришёл на работу в «Укркронцерт», меня вызвал начальник первого отдела. Говорит: «Мы вам дали звание заслуженного артиста. Поэтому, вы должны сыграть концерт для ликвидаторов Чернобыля». Я ответил: «Выдайте мне свинцовые трусы, у меня молодая жена и маленький сын, которого я должен кормить». Конечно, не поехал. Гитарист Владимир Шаруев, поехал. Играл, а после на него так повлияла радиация, что он после ста метров ходьбы, должен останавливается, чтоб отдохнуть.

В 1988 году в Москве была организована выставка картин Сальвадора Дали. Я позвонил в Москву моему другу Валерию Терещенко, бывшему преподавателю в Луганском музыкальном училище по предмету «дирижирование» и попросил купить нам с женой билеты. Он мне сказал, что билетов уже нет, но его жена Ольга Костина — искусствовед, организует нам посещение выставки. Мы прибыли в Москву, сели в такси и поехали на квартиру моего друга. Его жена — дочь знаменитого донецкого скульптора Владимира Костина, автора памятника «Артёму». Она главный редактор журнала «Русское искусство». Написала пять книг и сто пятьдесят статей по искусству. Когда мы приехали с ней на выставку, там было очень много народа. Нам пришлось более часа простоять в очереди. По удостоверению Ольги Костиной нас пропустили в зал.

Описывать впечатление от картин Дали, написавшего книгу «Я гений» очень. сложно и не нужно. Вспомнилась байка. Преподаватель: «Талант — это заболевание». Студент: «А это

не опасно?». Преподаватель: «Не волнуйтесь — вы здоровы». Несомненно, у Дали были психические отклонения Семейная жизнь с женой Гала — настоящая фамилия — Ольга Дьяконова, складывалась сложно. После женитьбы на ней, рассорился с отцом.

Арам Хачатурян, находясь в Испании на гастролях, попросил организовать ему встречу с Дали. Получил приглашение. Более получаса в одиночестве прождал в огромном зале. Наконец, услышал звуки своего «Танца с саблями». Двери распахнулись и через весь зал на швабре, изображая всадника, совершенно голый, размахивая саблей, «проскакал» Дали и скрылся в противоположной двери. Вошёл дворецкий и объявил, что аудиенция окончена. Когда Хачатуряна спросили: «О чём была беседа?» Он ответил: «Беседа была об искусстве».

Позже, когда Ростропович рассказал Дали о смерти Хачатуряна, которого он обидел, у Дали навернулись слёзы на глазах.

Лично я почти всю жизнь слушаю его музыку. Часто бывал на балете «Спартак», куда бы не приезжал с гастролями.

О гитарах и о себе

Ленинградская фабрика музыкальных инструментов имени Луначарского кроме ширпотреба изготавливала и концертные гитары. В училище и первый год обучения в консерватории, я играл на такой гитаре. Будучи студентом консерватории, я преподавал в Доме учителя. Когда у меня 1963 году умер отец, поехал в Луганск на похороны, оставив гитару в кладовой под замком. Когда вернулся с похорон — гитару украли. Я купил гитару московского мастера Феликса Акопова. У неё был приятный тембр, но неправильная разбивка ладов. Она не строила. Когда я начал репетировать с Богодаром Которовичем, а у него был абсолютный слух. «Я не могу слышать эту фальшь, — говорил он, — избавься от этой гитары». И я избавился. Продал грузинскому гитаристу Тариэлу Барамелову. Сейчас он живёт в Нью- Йорке, и я с ним общаюсь по телефону. Он талантливый композитор, играет, концерты из собственных сочинений. На грифе гитары переделал разбивку ладов. Теперь она ладит.

Потом я купил гитару Николая Ещенко. Случилось это так: мой знакомый любитель — гитарист, полковник, пришёл ко мне в гости и говорит: «Мой сын проиграл в карты большую сумму денег. — Помоги решить вопрос». Я знал одного парня из киевской мафии (не буду называть имя, а то они меня и в Канаде достанут) и организовал встречу полковника с ним. Тот сказал, что долг надо отдать. а он прикажет не пускать сына в игорные дома. Полковник предложил мне купить у него гитару за 300 долларов. Гитара мастера Михайлова. Я её купил, смыл синтетический лак, покрыл натуральным лаком, отполировал и до сих пор играю на ней. После, когда я жил в Техасе, купил испанскую гитару Родригеса, но она так и осталась девственницей, лежа в футляре.

Выскажу несколько мыслей о гитарах русских мастеров. Почти все их гитары издают звук с треском? Накладка грифа не правильно изготовлена. Надо, чтобы она была сделана не одинаковой толщины, а с уклоном. Над первым ладом толщина её должна быть семь миллиметров, а над двенадцатым — четыре. Тогда не будет треска. Так я сделал с гитарой Михайлова. Почему деки трескаются? Потому, что мастера не покрывают лаком деки внутри корпуса. Когда погода сырая, дека набирает влагу. После высыхает и трескается. Я гитару Михайлова покрыл лаком и двадцать два года не имею проблем. Смычковые инструменты все покрываются изнутри

лаком.

Работая в филармонии, я стремился играть в ансамблях с музыкантами, которые играют на признанных, академических инструментах: скрипка, виолончель и другие, показывая, что гитара тоже из этой категории. Я впервые в Союзе исполнил «Концерт для гитары с оркестром» Вилла- Лобоса с государственным симфоническим оркестром Украины в зале филармонии. За исполнение крупной формы я должен получить гонорар: три с половиной моей концертной ставки. Пришёл в кассу, а мне заплатили всего одну ставку. Я иду к директору Старостину. Он раньше работал начальником тюрьмы, за что нашу филармонию остряки называли— «Филармония строгого режима». Спрашиваю:

— Почему мне заплатили одну ставку? — ведь в книжке Министерства культуры написано, что за исполнение сочинений крупной формы: концерта, сюиты, оратории — оплата три с половинной ставки…».

Отвечает: «Вы на сцене находитесь всего двадцать минут, а требуете плату, как за целый день работы».

Смотрел я на него и вспоминал слова дедушки Крылова: «Беда, коль сапоги начнёт тачать пирожник…» Откуда ему знать, что все концерты длятся двадцать — тридцать минут. Только у Шостаковича — сорок пять минут.

Этот концерт я играл в польском городе Гданьске. Приехал туда вместе с женой Ольгой. Она захотела посмотреть город и побывать на концерте. Поселили нас в хорошем номере гостиницы. Хорошая еда, за всё оплачено. На следующий день репетиция. Оркестр очень хороший. Вечером концерт. Зал полон народу. Приняли прекрасно, вызвали на поклон…

Играл я этот концерт и в Кемерово. Мы приехали вместе с дирижёром киевского камерного оркестра Романом Кофманом. Нас встретили и поселили в люксовом номере гостиницы. Пообедать мы пошли в ресторан. Роман — вегетарианец. Начал заказывать вегетарианские блюда: капусты нету, ни моркови, ни свеклы. Я говорю: «Если нету, так сделайте!» Мне официант говорит: «Молодой человек, дешёвые блюда закончились». Подошёл мордатый шеф: «В чём дело?». Говорю: «Я заслуженный артист, мой друг — народный. Мы ваши гости, приехали давать концерт. Мы сейчас пойдём в горком партии и расскажем, как кормят в ваших ресторанах». Сделали, принесли и денег не взяли. Впоследствии, я этот концерт играл ещё и в Киеве по заказу бразильского посла.

Свой собственный концерт для гитары и симфонического оркестра впервые я сыграл в Луганске, в программе

«Музыкальные премьеры». Затем, в Киеве. Николай Стецюн, хороший композитор, написавший яркий, прекрасно оркестрованный концерт для гитары и оркестра, организовал исполнение моего концерта в Харькове. Приехали мы с женой Ольгой в Харьков. На репетиции у оркестрантов возникли затруднения с метром. Они не привыкли играть размер пять восьмых, но после моей подсказки, как правильно считать — всё окончилось благополучно.

После окончания концерта, мы с Ольгой, как говорят артисты, «накрыли поляну». Иван Митрофанович Балан тоже был у нас, но не пил — у него были сильные головные боли. Вскоре он умер от опухоли мозга. Мне позвонили, но я не смог приехать на похороны — готовился к отъезду на гастроли. Надо сказать, что после смерти отца и брата, я не хожу на похороны. Даже когда в Канаде умер мой знакомый пианист — я не пошёл. Семья его обиделась. Я человек очень впечатлительный, моя нервная система от этой борьбы за выживание оказалась до предела истощена. Тот, кому пришлось поменять три страны — меня поймёт. Приезжаешь и видишь — ты никому здесь не нужен.

Вспоминаю анекдот в тему. Умер один мужик и попал в рай. Целый день ходит, цветочки нюхает, яблочки срывает и кушает. Вечереет. Он заглянул через забор вниз, а там — ад!? Музыка играет, пьянка, голые девки сидят на коленях у мужиков… Перелез через забор и спустился по лестнице вниз. Погулял и на утро вернулся снова в рай. Так проделывал несколько раз. Понравилось. Подходит к Богу: «Отпусти меня в ад». Бог спрашивает: «А не пожалеешь?». Отвечает: «Нет!» — «Тогда иди». Святой Пётр открыл ему ворота. Мужик подходит к аду. Стучится в дверь. Она открылась. Черти схватили его и в котёл с кипятком. Он начал орать: «Позовите главного чёрта!». Явился Вельзевул: «Чего орёшь?». Мужик: «Когда я лазил через забор, и водку пил, и женщин имел, а когда официально пришёл в дверь — меня в кипяток!». Вельзевул ему говорит: «Когда лазил через забор — ты был туристом, а когда пришёл официально в дверь — ты иммигрант».

Но до моей иммиграции было еще далеко. В 1986 году состоялся Всесоюзный фестиваль гитаристов. Приехали гитаристы даже с Владивостока и Хабаровска. Клуб меня выбрал президентом Ассоциации. Я занимался организационной работой: проведением концертов, лекций. Всё было на высоком уровне. На билетах клуб заработал некоторые деньги, которые были украдены из сейфа хорового общества.

Я сказал членам Ассоциации, что больше не буду этим заниматься потому, что нельзя никому доверять. Конечно, украли

работники хорового общества. Рыба гниёт с головы. Президент хорового общества, народный артист Украины Сергей Давыдович Козак занимался приписками, не выступая в городах Украины. Его выгнали с запретом занимать руководящие должности, но вдруг его назначают директором филармонии. Собранию артистов филармонии чиновник Министерства культуры представил его, как нового директора. Очень популярным стало его изречение: «Голос — это дар Божий, а играть каждый сумеет». То-есть, голос — это высокое искусство, а инструменталисты — вторая категория. Концертные ставки вокалистов были выше ставок инструменталистов.

Как-то меня вызывает директор филармонии Козак и говорит, что из Союзконцерта пришла заявка на мои двадцать концертов в Казахстане и два концерта на Байконуре. «Но ты не полетишь, — заявил он, — у тебя и без того много концертов и большие переработки».

Концерт в Павлограде

Я иду в министерство к Министру культуры Олененко Юрию Александровичу. А это тот самый выпускник театрального института, который меня просил, чтобы я музыкально оформил их выпускной спектакль «Бесприданница». Секретарь меня знала и доложила, что я пришёл. Войдя в кабинет, я передал разговор с Козаком, добавив от себя: «Юрий Александрович, я работаю в филармонии по факту. Сколько концертов сыграю, столько и получу денег. Остальные артисты, которые в штате, если не играют, то получают семьдесят пять процентов от ставки.

У меня этого нет. У меня специальное приглашение из Байконура. Мне кажется, что вам не нужно звонков из Министерства обороны: «Почему Полухин не прилетел и не выступал в Байконуре?». Министр быстро всё уладил. А с директором филармонии отношения разладились. Вскоре его сняли и поставили директором его зама — бывшего начальника тюрьмы. Как говорится: «Хрен редьки не слаще».

На Байконуре мы с Богодаром Которовичем

Мы с Валерием Петренко играли в зале филармонии концерты. У каждого была своя программа, своя публика и свои поклонники. Слушать Петренко приходили гитаристы Манилов, Любимов, Крахмальников и другие. Им нравилась яркая виртуозная игра Валерия. У меня же в зале в большинстве были представительницы прекрасного пола, получавшие удовольствие от моей экспрессивной игры. Одна моя знакомая, преподаватель университета говорила: «Когда ты играешь, мне хочется любви». Хотя я играл и виртуозные пьесы: «Астурию», «Арагонскую хоту», «Венецианский карнавал», «Большую сонату» Паганини».

Как-то Валерий позвонил мне и сказал: «Гитарист Любимов поступает музучилище города Луганска, не мог бы ты посодействовать?». Посодействовал, но после пожалел об этом. Мне рассказывал Константин Смага, очень порядочный человек и преподаватель гитары, что однажды на дне его рождения собралось много гитаристов. Любимов начал петь дифирамбы Валерию Петренко и негативно отзываться о моей игре. Тогда

Смага включил магнитофон. Зазвучала «Арагонская хота» Франсиско Тарреги. Любимов стал восхищаться игрой, думая, что это играет Мария Луиза Анидо, но Смага сказал, что это играет Полухин на терц- гитаре.

Однажды утром мне позвонили в дверь. Открываю — стоит Владимир Манилов. Поздоровались. «И что же тебя привело ко мне? — спрашиваю. — Ведь ты же друг Петренко и ходишь только на его концерты…».

— Тут такое дело, — говорит. — я написал школу джазовой игры на гитаре, но мне в редакции сказали, что рецензию должен дать гитарист с консерваторским образованием.

— Так, почему же тебе не написал её Петренко? — Он тоже с консерваторским образованием?..

— Я ходил к нему, но он сказал, что в джазе ничего не понимает и рецензию писать не будет.

Я тоже джаз не играл, а только рок- музыку. Рецензию подписал. Она была у него заготовлена заранее. Я зла ни на кого не имел. Если видел, что дело достойное того, чтобы его продвигали — всегда содействовал. Был случай, когда я отказал. В филармонию пришёл однажды мужчина и достал из мешка гитару, сделанную из кровельной жести. Попросил написать рецензию. Я сказал, что он обратился не по адресу и ему надо обратиться к жестянщику. Валерий, не знаю почему, рецензию написал, эти гитары пошли в производство, но экспериментальную партию никто покупать не стал. Идея завяла на корню.

Однажды, уже в роковые девяностые годы, меня пригласили на республиканское радио на интервью. Редактор говорит мне: «Вы обязаны говорить на украинском языке». Отвечаю, что я русский, а украинский — понимаю, но разговаривать не приходилось по той причине, что моё окружение говорит только на русском и мне не было необходимости изучать язык. «Вы же дали переводчика французу, — говорю я ему, — дайте и мне переводчика с русского на украинский». «Нет, вы должны выучить украинский», — слышу в ответ. Отказался и ушёл. Я не мог вынести подобной дискриминации.

У меня уже начала зреть в голове мысль об иммиграции. Нужно ли мне учить украинский язык? Я мог стерпеть многие невзгоды в жизни, но когда столкнулся с воинствующим национализмом, с яростной атакой на мой родной язык — это переполнило чашу терпения. «Уеду в Аргентину, — думал я, — буду учить испанский. Не так обидно будет, чем жить в своей стране и чувствовать себя иностранцем».

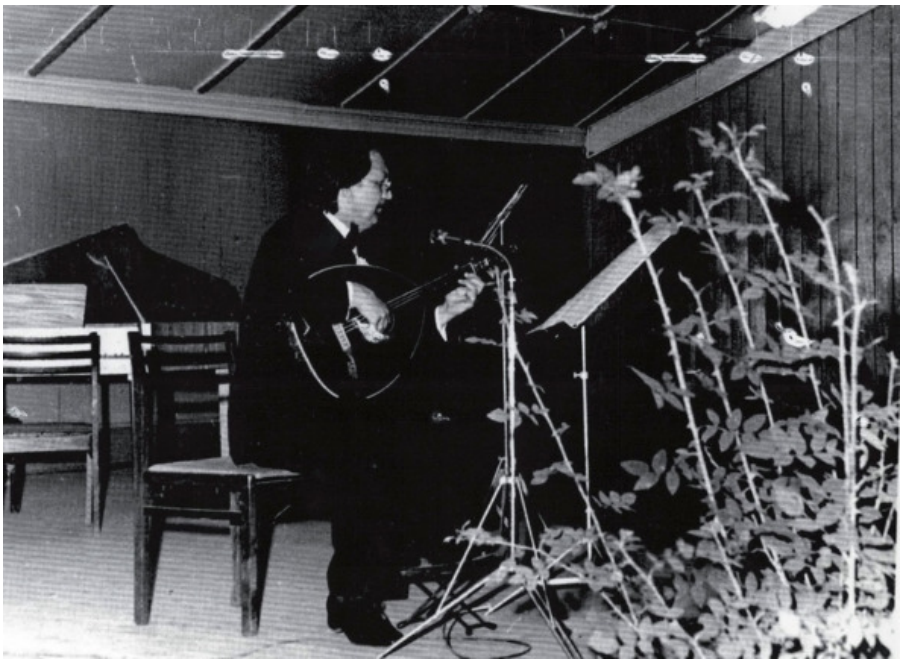
Где и с кем я играл

В национальном доме органной и камерной музыки я играю давно, но зарплату мне не платят уже несколько месяцев. Живём на деньги за уроки, которые даю сыну и дочери канадца Богдана Кравченко. Он платил за один урок столько, что денег хватало на покупку продуктов на неделю. Но несмотря на отсутствие стабильной зарплаты, продолжаю давать концерты. Часто ко мне подходили иностранцы и просили поиграть им эксклюзивные концерты. Моя вторая жена Ольга брала на себя роль менеджера, и я им играл в нашей, довольно просторной гостиной. Естественно, не бесплатно.

Моя семья

Моя кума по первой семье, жена профессора института иностранных языков, работала в культотделе Центрального парка. Там имелась крытая сцена и летний зал, огороженный

старыми деревьями. Она предложила мне раз в неделю играть концерты камерной музыки. Я переговорил с Богодаром, и он взял руководство в свои руки. Я выступал только, как солист. Играл концерты Вивальди, Карулли, Джульяни. Камерным оркестром дирижировал Богодар Которович. Он пригласил литовский камерный оркестр под управлением Саулюса Сондецкиса. Вечера были очень популярны, освещались в прессе. Они начинались в десять часов вечера и длились до двенадцати ночи. Это были чудесные вечера…



Концерт в Центральном парке

Концерт с камерным оркестром в Центральном парке

Вспоминаю комические эпизоды своей жизни во времена СССР. В Конча-Заспе, курортном посёлке на Юго-Востоке Киева находился правительственный дом отдыха и артисты филармонии часто выступали в нём для «слуг народа». В бригаду артистов входили: народная артистка СССР Диана Петриненко, народные артисты трио бандуристок, юморист, народный артист Анатолий Паламаренко, заслуженный артист Гдалий Эльперин и я — заслуженный артист. После концерта в гримёрную, где мы переодевались, заходит мужчина в сером костюме и, обращаясь ко мне, говорит: «Почему не играл украинские песни?». Отвечаю: «Я гитарист и исполняю пьесы, специально написанные для гитары, а украинские песни поют трио бандуристок». Спрашивает: «Ты можешь обработать песни и играть? Отвечаю: «Смогу и украинские, и русские». Вдруг он заявляет: «А какое сало ты ешь? Это меня разозлило, и я его послал куда подальше. Он выскочил из гримёрной.

Диана Петриненко сказала: «Ты знаешь, это же известный драматург Коломоец». Я забыл об этом разговоре, но последствия напомнили о нём. В Министерство культуры пришло письмо из Союза писателей. В нем говорилось, что Полухин не уважительно разговаривал с драматургом Коломойцем. Требуют разобрать поведение на собрании.

Директор филармонии, мой друг Аркадий Лобанов написал: «Полухина лишили тринадцатой зарплаты (её у нас никогда не было). Лишили очереди на машину (её тоже не было).

На собрании коллектива поведение Полухина разобрали и вынесли ему порицание».

С теплом вспоминаю свои выступления в Андреевской церкви. Она строилась пол руководством архитектора Растрелли. Филармония проводила камерные концерты весной, летом и осенью, когда позволяла погода. Много туристов посещало эту церковь. Я сыграл три программы подряд через день. Первая программа — итальянская музыка. Вторая — испанская музыка, третья — латиноамериканская. Церковь не вмещала всех слушателей и люди стояли на улице.

Мой друг инженер и любитель гитары — Борис Курило, который мне очень помог в организации гитарного фестиваля «Серебрянные струны», написал после концертов небольшой стих:

Твоя гитара в церковь заманила.
И в свою веру многих обратила.
Под сводами Андреевского зала
Она божественно звучала…
И был незабываемый концерт
Ведь музыка — шедевры древних лет.
Твоим богам поклоны шлют отныне
Антонио Вивальди и Никколо Паганини.

Киев. Обложка журнала «Украина»

Я любил играть во Львовской филармонии. Приезжал, как солист и в составе дуэта с Богодаром Которовичем (с которым тогда ещё дружил). С этой филармонией связан комический случай. Рассказывают, что на гастроли во Львов приезжал народный артист Рихтер. Рано утром он пришёл на репетицию. Дверь была закрыта. Позвонил. Охранник открыл дверь: «Чого трэба?». Пианист говорит: «Я Рихтер»…». Охранник: «Ну, и шо?

А я вАхтер».

На репетицию я не ходил. Гитара в номере в футляре, а вечером пришёл в филармонию, отыграл концерт и после концерта публика подошла за автографами. Подходит парень и говорит, что недавно играл аргентинец Эрнесто Битетти, он вариации на тему Моцарта играл быстрее. Отвечаю: «Он за концерт получает три тысячи долларов, а я сто двадцать четыре рубля. Когда я буду получать такие же деньги, как он, то буду играть быстрее его, а за такие деньги, я даже быстро играю».

Как -то мне позвонили из филармонии и сказали, что приехал Игорь Ильинский и меня попросили играть в паузах, когда он отдыхает. С ним провёл месяц. Давали в клубах по два концерта в день. Он рассказывал интересные истории из своей жизни, показывали отрывки из фильмов. Он снимался и в немом кино. Я видел фильм «Праздник святого Иоргена». Как- то ему сказал: «Вы — великий артист, а выступаете в рабочих клубах». Ответил: «У меня большая семья, пенсия небольшая, не покрывает расходы и приходится выступать. На прощание подарил мне свою афишу с надписью: „Соучастнику“ и сопутешественнику— Петру Полухину».

Дирекция филармонии часто нас посылала обслуживать вечеринки «слуг народа — депутатов и чиновников. Кому я только не играл! Даже министру обороны Израиля. В 1993 году играл Ельцину и Кучме. После концертов нас угощали объедками со стола, наливали с начатых бутылок. Я никогда не ел, наливал себе стакан водки и хлебом закусывал. Как-то трио бандуристок поели жульен и получили отравление. Нам за выступления не платили.

Мой друг, с которым я учился в музыкальном училище в Луганске — Анатолий Пересада, стал профессором краснодарского Института культуры. Организовал мне концерты по Краснодарскому краю в музыкальных школах и училище.

В музыкальной школе с родителями и учениками

Это были незабываемые встречи с педагогами, родителями. Многое стирается из памяти, но концерт в краснодарской филармонии врезался в память. Я вышел на сцену, а из-за кулис вышла кошка и села возле меня мордой к публике. Я спросил: «Не мешает?». Ответили — нет. Так и просидела весь концерт.

После распада страны

Когда распался СССР, и Украина стала «незалежной», Министерство культуры стало не в состоянии продолжать гастрольную работу на том уровне, который был ранее в Союзе. Не было денег, порвались деловые связи. Я и Которович перешли работать в Укрконцерт. Сами организовывали концерты. Но дирекция начала нас систематически обкрадывать, и мы перешли работать в Дом органной и камерной музыки.

Играя только в одном зале всего по два концерта в месяц, приходилось часто менять программы. Я играл восемь программ. Среди них была программа Латиноамериканской музыки. После концерта ко мне подошёл посол Аргентины Луис Бакериза и на русском языке спросил: «Сможете ли сыграть программу чисто аргентинской музыки?». Я ответил утвердительною.

Он заказал сборники аргентинской музыки и вручил их мне. Я подписал контракт и сыграл три концерта. На последнем присутствовал весь дипломатический корпус Киева. Публики было человек семьсот. Это было осенью. В костёле, где я играл, было прохладно. После концерта ко мне подошли послы, среди них были Луис Бакериза и посол США. Через переводчицу посол США спросил: «Не холодно играть в таком зале?». Я ответил, что у нас так всегда, и мы приучены к холоду. Луис Бакериза предложил: «Приезжай в Аргентину, у нас значительно теплее». Позднее, я воспользовался предложением.

В 1995 году мне позвонили из Министерства культуры. Сказали, что я должен быть в концертном костюме с гитарой в шесть часов вечера возле гостиницы «Кооператор». Меня повезут играть президенту Биллу Клинтону. Я ответил, что никому ничего не должен. Если заплатят — поиграю. Договорились.

Позвонил Которовичу, он проходил диспансеризацию в больнице. «Богодар, есть возможность встретиться с президентом Кучмой. Бери скрипку и приходи ко мне на репетицию. Поедем играть ему и Биллу Клинтону». Сыграли. К нам подошёл высокий негр и сказал, что Клинтон и его жена Хилари хотят сфотографироваться с нами. Подошёл Кучма с женой и нас сфотографировали всех вместе. Правда, нам копий фотографий не дали. Сказали, что где-то затерялись.

Через некоторое время Которович был на приёме у Кучмы. Тот предложил ему создать оркестр камерной музыки. Создали. Солист Которович, концертмейстер — его пианистка Басалаева. Мне нашлось место только в составе оркестра. Конечно, я обиделся и отказался. Перестал с ним играть, а играли вместе

двадцать лет. Он потерял партнера и друга.

Я был участником дней гитарной музыки в Братиславе. Туда меня пригласил замечательный чехославацкий гитарист Жапка. В последние годы он играет в дуэте со своей женой флейтисткой. Это лучший дуэт такого рода в Европе. Нужно отметить, что в этих концертах, которые проходили под открытым небом, в прекрасном Барочном дворике университетской библиотеки, приняли участие такие известные музыканты, как дуэт гитаристов из Германии Моника и Юрген Рост, гитаристы: турок Ахмед Каннечи, киприот Кристос Совопулос, аргентинец Хорхе Кардосо.

Я играл седьмого июля в сольном вечере сочинения Ронкалли, Скарлатти, Паганини, Шостаковича и Тарреги. А восьмого у меня день рождения. Йозеф Жапка пригласил гитаристов к себе домой на ужин. Поздравляли, а после Жапка и Кардосо сыграли дуэтом для меня «Милонгу» Хорхе Кардосо. В Братиславе я выступил с великолепным братиславским камерным оркестром «Музыка Этерна» под управлением Паоло Бакси. Играли концерты Вивальди.

У меня в гостях сербский гитарист Дойчинович

Секретарь английского посольства виконт Реймонд Асквит как-то позвонил мне и на чистом русском языке предложил сыграть у него на квартире. Он устраивает приём для послов других стран. Пригласил и мою жену Ольгу. Она испекла торт «Птичье молоко». Приехали. Ольга вручила ему торт. Реймонд попробовал его и положил в холодильник. Он ему очень

понравился. Я играл в перерыве после официальной части приёма. Ко мне подошёл посол Бразилии, бывший министр культуры этой страны, и говорит, что в Киеве заканчивает консерваторию по классу композиции студент из Бразилии. В посольстве хотят устроить концерт бразильской музыки, где будут исполняться кроме сочинений студента, произведения других бразильских композиторов. Не смог бы я принять участие?

Я ответил, что у меня в репертуаре есть концерт Эйтора Вилла- Лобоса для гитары и симфонического оркестра. Он обрадовался и сказал, что концерт состоится в зале, где раньше была высшая партийная школа. На репетиции проблем не было — музыканты оперного театра очень высокого класса. Я сыграл концерт. Мы с дирижёром Кожухарём и ещё с кем-то «оприходовали» бутылку французского коньяка «Хеннесси» — подарок посла Франции.

У меня в гостях лютнист

Какое-то время я играл на лютне, а точнее, на лютневидной гитаре. Первое отделение на ней, а второе — на гитаре. Приезжаю на концерты в Херсон, меня встречает администратор филармонии. «А где, — говорит, — музыкант который играет на лютне?» Отвечаю: «Так я играю на лютне и гитаре». Он удивился: «А я увидел на афише: лютня и гитара. Забронировал два номера в гостинице». С этими забронированными номерами были курьёзные случаи не только у меня. Пианист Николай Сук — заслуженный артист Украины,

рассказывал: у него программа была из произведений Брамса На афише было написано крупными буквами БРАМС и мелкими — произведения. Ниже снова крупными НИКОЛАЙ СУК. Приезжает он в тот же Херсон, администратор его спрашивает, а где Брамс? Николай отвечает: «Понимаете, он сто пятьдесят лет назад умер». «А я ему номер забронировал», —. говорит администратор.

Последние годы в стране

Я старался выбирать для своих выступлений не заигранные пьесы, а редко исполняемые, но имеющие художественную ценность. Например, Телеман — «Польская сюита», четыре концерта Вивальди. Концерты Карулли, Джульяни, «Большую сонату» Паганини. Шестьдесят аргентинских танго. Короче, хотелось не повторять программы зарубежных гитаристов. В московской государственной библиотеке нашёл концерт Карулли ми минор, посвящённый графине Толстой. Но была только гитарная партия. Мне её скопировали. В музее Глинки мне ещё скопировали табулатуры сюит Вайса. Когда я приехал в Вильнюс, то отдал их гитаристу Сигитису Шилинксису. Он меня хорошо принял, интересный человек, эрудированный. С ним было приятно вести беседы, он много имел информации о зарубежных гитаристах. Вместе поехали на могилу Марка Соколовского. Это первый и, кажется, единственный гитарист из России, который в то время играл в Европе. Я Шилинксиса пригласил к себе в Киев.

Летом позвонил Сигитас и сообщил, что он приезжает в Киев по своим делам. Я его встретил. Он сказал, что приехал на неделю, но выкроит время, чтобы посмотреть, как я занимаюсь. Тогда я два часа в день практиковался и только для поддержания техники. Играл упражнения, этюды.

— Почему ты не играешь пьесы, — спросил он.

— А зачем? — их я знаю наизусть.

Через неделю у меня был концерт в Киево-Печерской лавре. За день до концерта сыграл программу без остановки и на следующий день поехали на концерт. Его поразило то, что я так мало практикуюсь и уверенно играю.

— Дорогой, Сигитас, я в музыкальном училище занимался по шесть-восемь часов в день. В консерватории уже не более четырёх часов.

Я артист по природе у меня сильная энергия, мне нравится играть и покорять публику. Музыкант — это ещё не артист. Я знал скрипача, который на записи играл божественно, но на сцене терялся. А был великолепным скрипачом. Он с пластинок записал шесть концертов Паганини, оркестровал и записал их на пластинки. Такое мог делать только итальянский скрипач Риччи. Был скромным, дружелюбным, не раз мы с ним проводили время за столом. Весёлый, любитель анекдотов. Его имя Алексей Горохов.

Виктор Баглей, художник—ювелир, реставратор скифского

золота в Киево — Печёрской лавре, хорошо владел гитарой. Я ему посвятил «Элегию». Он откликнулся на мою просьбу: нарисовать афишу к гитарному фестивалю «Серебряные струны». Афиша получилась яркой, многим нравилась. Я благодарен был ему за участие в фестивале, и мы подружились. У него был крепкий внутренний стержень, он служил моряком на Балтийском флоте. Море воспитывает настоящих мужиков.

В тысячелетие крещения Руси я решил крестить своего сына Бориса. Предложил Виктору быть крёстным отцом. Он согласился. В назначенный день приехал батюшка в джинсовом костюме, со спортивной сумкой. Открыл сумку и переоделся. Надел церковные одежды и у меня появилась дрожь от торжественного момента. Это традиция нашей православной веры. Сели за стол, откушали, чем Бог послал. В разговоре выяснилось, что мать ребёнка — Ольга некрещённая. Родители были коммунистами. Батюшка сказал: «Это грех, что мы позволили крещение сына, когда мать некрещённая». Всё началось сначала и когда батюшка сказал крёстному отцу: «Возьмите „ребёнка“ на руки!». Виктор берёт Ольгу на руки, а у неё семьдесят килограммов… Батюшка на её лбу рисует крест. Это была не забываемая картина. Я заснял всё на фото.

После крещения Бориса и Ольги. Мой кум Виктор и кума Наташа

Наступил момент, когда я всё чаще стал задумываться об иммиграции.

Мой внутренний голос говорил мне: «Беги, а не то пропадешь сам, и твоя семья вместе с тобою». Семь месяцев не получаю зарплату, жена и сын заболели астмой — последствия радиации. Вспомнил приглашение посла Аргентины Луиса Бакеризы, и пришёл к нему в посольство. Рассказал ему о своём бедственном положении, и он сказал, что поможет мне заключить контракт на работу солистом в «Оркестре Танго» в Кордобе.

Начали мы собираться в дорогу. Никаких сбережений у нас не было. Единственные ценности — это мои гитары. Первую гитару мастера Ещенко я продал Константину Гундареву, бизнесмену и виртуозному гитаристу.

Одесский гитарист, автор книги «Этюды о гитаристах», Юрий Непрокин пригласил меня в Одессу на прощальный концерт, который он устроил в картиной галерее. После концерта на ужине говорит: «Продай мне гитару, ты в Аргентине себе купишь новую». Спрашиваю: «Сколько дашь?..

Дал он мне за гитару тысячу долларов. Не жалею. Попала моя вторая гитара мастера Ещенко в хорошие руки профессионала. На ней он играет до сих пор.

Одесса. Слева от меня гитарист Юрий Непрокин

Позвонил я журналисту Владимиру Краснодемскому, с которым дружил после своего концерта в его редакции. Он родом из Ивано-Франковска. Прекрасно владеет русским языком и не отравлен ядом русофобства.

Пригласил его к себе. Посидели мы славно. Ольга приготовила ужин с шампанским и коньяком. После ужина он предложил дать прощальное интервью. Моё интервью было напечатано в газете «Урядовый вистник». В переводе на русский — «Правительственный вестник». Название статьи «Аргентинское танго». В интервью сообщалось, что Пётр Полухин скоро будет жить и играть в Аргентине. На вопрос журналиста, о причине моего отъезда, я сказал: «Посоветуйте, кому я могу продать звание заслуженного артиста, чтобы прокормить семью? Семь месяцев я не получаю зарплату, а в Министерстве культуры мне говорят: «Денег нет». Через некоторое время мне позвонили из Министерства и пригласили получить деньги.

В 1997 году в малом зале дома органной и камерной музыки мы с Ольгой устроили прощальный концерт с ужином для друзей. Были американцы и канадцы, которые мне заказывали концерты. Я пригласил директора дома органной и камерной музыки Владимира Ивановича Лебедева. Директор сказал: «Оставь трудовую книжку, если в Аргентине не сложится — вернёшься и продолжишь работать. Не увольняйся».

Около органного зала мы с Ольгой и американцами

Органный зал. Киев

Концерт в органном зале

Автограф для американки

После концерта. Слева от меня посол США. Справа канадские дипломаты

Годом позже, когда я был в Аргентине, узнал, что Владимира Ивановича с работы уволили. В руководстве дома органной и камерной музыки стали две подруги: директор Дворца бракосочетаний и её заместитель — Людмила, жена гитариста Николая Михайленко. Обе к музыке имели весьма отдалённое отношение, разве, что, когда во дворце исполнялся свадебный

марш Мендельсона. Моё место занял муж Людмилы. Приказом по филармонии в 1998 году меня уволили «за прогул». Впоследствии, когда я собирал документы для переезда в Канаду, обнаружилась путаница в документах. По одному документу я работал с 1997 года в театре «Сан Мартин» в Аргентине, а по другому — уволен в Киеве в 1998 году. Пришлось разъяснять.

Зашёл я к знакомой работнице аэропорта. Она бывшая стюардесса. Спросила: «Сколько у тебя денег?» Говорю: «Четыре тысячи долларов». Разрешено провозить только тысячу. Она дала мне совет, как провезти все деньги. Его я раскрывать не стану. И тут меня приглашают в таможенную комнату и говорят: «Ваша жена и сын улетают, а вы остаётесь. Вы советский паспорт не поменяли на украинский». Я возражаю: «В паспорте указано, что я гражданин Украины. Что вам еще нужно?.. Молчат. Ожидают взятку. Тогда я пригрозил, что сейчас позвоню своему другу, полковнику МВД (указываю фамилию). Это немедленно подействовало.

Киев. Аэропорт «Борисполь». Родители Ольги и мы

Часть вторая

Аргентина. Начальный период жизни

Прилетели мы с Ольгой и своим девятилетним сыном Борисом в Буэнос- Айрес. Там в это время осень. Сели в такси и поехали на автовокзал. Ольга ушла покупать билеты до Кордобы, а я в зале присел на скамью. Рядом поставил чемоданы, а на них наши пальто. Ко мне подошёл парень и что-то стал расспрашивать. Я ему стал объяснять, что не понимаю ни слова. Он ушёл, а наши пальто исчезли. «Это не Европа», подумал я. Показалось мне, что я никуда не уезжал. Приехали в Кордобу и поселились в гостинице под названием «Купидон». На стене был нарисован Купидон со стрелами. Оказалось, что это гостиница для свиданий.

На другой день мы пошли в театр «Сан Мартин», где обычно играл симфонический оркестр, ставили оперы и балеты. В нём репетировал «Оркестр танго», куда меня направил посол Аргентины, сказав, что он договорился с руководителем оркестра Карлосом Нието во время выступления оркестра в Киеве. Пришли мы в театр во время репетиции «Оркестра Танго». Увидев меня, Карлос Нието весьма удивился. Когда я сказал, что посол заверил меня в том, что он с вами договорился о моей работе в оркестре в качестве солиста. «Я ему ничего не обещал», — был ответ.

Сказать, что на меня вылили ушат холодной воды — это ничего не сказать. В одночасье рухнули надежды на тёплый приём и получение работы. Здесь меня никто не ожидал и никому я не был нужен. Более того, я никому не был известен. Своих гитаристов здесь, как говорится, хоть пруд пруди… Увидев мою растерянность, Карлос сжалился надо мной и помог мне определиться с жильём.

В этой ситуации моя жена Ольга, зная английский язык, взяла инициативу в свои руки. Я даже не подозревал, что она талантливый менеджер. Более того, у неё оказалось острое чутьё на людей, которые могли нам помочь «засветиться» в чужой стране. В Кордобе имеется старейший национальный университет Аргентины. Кроме того, имеются институты британской, итальянской и испанской культуры. Ольга организовала мне частные концерты в этих институтах. Мне очень помогло то, что я имел обширный репертуар и быстро мог подготовить программы.

В институте Британика я играл сочинения английских композиторов:

— Генри Пёрселл «Две пьесы».

— Джон Доуленд «Шесть пьес».

— Бенджамин Бриттен «Ноктюрн».

— Вистон Волтон «Багатели». Джон Доуцлкенд

— Иосиф Горовиц «Песня гетто».

Программу из произведений Паганини я играл в институте итальянской культуры, в институте испанской — произведения М. Торробы, И. Альбениса, Х. Турины, Ф. Тарреги, Э. Гранадоса. Директор итальянского института культуры Франко Авиколли организовал дополнительно несколько моих концертов по городам провинции Кордоба.

Концерт в итальянском Центре культуры

После концерта в Итальянской центре. Я, Ольга и Франко Авиколли

Постепенно жизнь моя в Кордобе стала налаживаться. Я уже не чувствовал себя инородным телом в чужой стране. Меня стали узнавать, появились друзья и покровители. Консул Бельгии — хозяин телевидения Кордобы Эдуардо Блаез стал одним из них. Я часто выступал у него на телевидении.

В шопинге «Патио Ольмус» главный менеджер Фернандо Остореро организовывал концерты для покупателей, и я сыграл у него несколько концертов. Его родители из русских евреев и он очень тепло к нам отнёсся. Пришёл на день рождения Ольги. Пригласил на рождество к себе и после на свадьбу — он женился. Я такой роскоши никогда не видел. Играли оркестры, даже был приглашён мексиканский оркестр «Марьячи», исполнивший романтические песни для молодожёнов.

День рождения Ольги

День рождения у Фернандо Остореро

Фернандо организовал несколько моих концертов в курортных городах в окрестностях Кордобы. Я сыграл три концерта в курортном городе Миромар.

После концерта в Миромаре. Слева жена мэра, мэр Альберто Годой, и мы с Ольгой

Около города имеется лечебное солёное озеро и санаторий. Курьёзный случай произошёл в небольшом городке Альта Грасия. Там есть дом-музей, где в последние годы жил и умер Мануэль де Фалья. Договорились о концерте. В программе должна была звучать музыка композитора. Но перед самым концертом в доме обвалился потолок и концерт отменили.

Консул Бельгии познакомил нас с бизнесменом и меценатом — Исааком Гольдманом. Он из украинских евреев, его родителей петлюровцы порубали шашками, а его мальчишкой дальние родственники увезли в Аргентину. Он был крупным бизнесменом, покупал холодильные установки в Бразилии и продавал в Аргентине. В ней тридцать восемь миллионов жителей и пятьдесят миллионов коров. Так, что без холодильных установок не обойтись. После аргентинского мяса, когда я приехал в США, долгое время не мог есть американскую говядину.

Исаак Гольдман купил огромный дом с огромной гостиной и устраивал в нём концерты. Я тоже несколько концертов сыграл в доме его дочери на еврейский Новый год. Играл народные еврейские мелодии, которые из Миннесоты мне выслал мой друг Анатолий Шапиро. Моя жена Ольга за три месяца выучила испанский язык. Училась в колледже Монсеррат.

Первый свой официальный концерт я сыграл в зале Луиса Техеды. Это небольшой зал, примерно, мест на сто. Меня приняли, к моему удивлению, очень хорошо. Наверное, их поразило то, что русский гитарист играет испанскую и аргентинскую музыку. После концерта ко мне подошёл Альберто Билевич, украинец, который выдавал себя за поляка, и пригласил к себе домой. У него большой дом с садом. Семья доброжелательная. Мать Билевича обрадовалась нашему приходу — она впервые за долгие годы увидела людей с Украины. Спрашивает: «Как там на Украине?». Отвечаю: «Плохо, поэтому мы оказались здесь». Билевич спросил меня: «Хотел бы ты выступить в польском консульстве?». Он аккордеонист и должен играть там со своим ансамблем. Я дал согласие.

В назначенный час мы с Ольгой прибыли в консульство. Я играл первым минут тридцать. Пьеса «Арагонская хота» Тарреги очень понравилась публике. Слушатели бурно аплодировали, один из них подошёл ко мне. Это был губернатор провинции Кордоба. Он по национальности каталонец и оказался большим любителем гитары. На всех его патти, по-нашему, званных ужинах, я играл и жить стало лучше и веселее.

Министерство культуры Кордобы объявили конкурс гитаристов. Необходимо прислать три кассеты с записью игры

по пятнадцать минут. Ольга мне говорит: «Прими участие. Лучшего гитариста в Кордобе нет. Ведь у тебя есть кассеты с записью твоей игры». Я её успокоил: «Иммигранту премию не дадут, даже если он будет лучшим гитаристом мира». Она не поверила, а я взял кассету с записью игры Пепе Ромеро, переписал на три кассеты и отправил на комиссию. Конкурс выиграл местный заурядный гитарист Барросо.

Консул Бельгии Эдуардо Блаез по нашей просьбе позвонил своему другу — министру культуры и попросил его чтобы он нас принял. В назначенный час мы с Ольгой, она в качестве переводчицы, были в приёмной министра. Он нас хорошо принял, и я рассказали ему, что посол Аргентины в Киеве Луис Бакериза заверил меня в том, что договорился с Карлосом Нието о моей работе в качестве солиста в «Оркестре танго». Мы приехали, но Карлос говорит, что ничего он ему не обещал.

Министр отослал нас в секретариат министерства, там нам сказали, что такие вопросы они не решают и вновь отправили нас к министру. Помощник министра вновь отправил нас в секретариат.

Почти месяц мы ходили по инстанциям. Наконец, я возмутился, и мы вновь пошли к консулу Бельгии. Тот разрешил нам переговорить по телефону с послом Аргентины на Украине. Звонила Ольга и рассказала о нашем положении. Луис Бакериза позвонил губернатору Кордобы и он принял решение в нашу пользу. Но заместитель министра Марта Елена Каминос (я мысленно дал ей кличку — «Госпожа МЕК») послала меня на медицинскую комиссию и заставляла подписать такой контракт, по которому я получал бы половину гонорара. Делала всё, чтобы заставить меня вернуться на Украину. Даже предлагала бесплатный билет, но у неё ничего не вышло. Я стал солистом «Оркестра Танго»

В 1998 году был объявлен конкурс на лучшее написание произведений для инструментальных ансамблей: дуэт, трио, квартет. Я написал трио для флейты, виолончели и гитары. Оно было написано в стиле австрийского и американского композитора Шёнберга и отличалось жёстким импрессионизмом. Я посвятил своё трио «госпоже МЕК». Комиссия Союза композиторов Аргентины никакого места мне не присудила. Мой авангард не был оценен, но Марту Елену Каминос прославил.

Игра с оркестром и без него

Моё появление на репетиции было встречено протестующим молчанием. Карлос Нието — руководитель, подготовил оркестр к моему появлению. Мне указали, где я должен сесть. На пюпитре лежали ноты известного танго: «Никогда не было жениха». Играем. Карлос делает мне замечания, что я играю, как европеец, не в стиле аргентинского танго. Я подумал: «А скрипачи играют фальшиво — это в стиле танго? Двадцать лет играл в дуэте с лауреатом конкурса Паганини и знаю, как надо играть на скрипке». Но говорить ничего не стал. Карлос поняв, что, как говорится, «нашла коса на камень», говорит: «Если тебе не нравится игра оркестра, играй сольные танго без оркестра».

Играю танго. После меня играет оркестр

В концертах я шёл первым номером и играл по пятнадцать минут. После играл оркестр. Постепенно отношения с оркестром наладились. Публика меня принимала восторженно. Ещё бы! Русский играет их танго… Они националисты, признают только свою музыку. Из других стран — только музыку Латинской Америки. Как-то услышал по телевидению выступление Президента Аргентины Карлоса Менемы. Он заявил, что аргентинцу должен нравится только аргентинец. Тогда я подумал: «А мы своих зачастую недооцениваем, преклоняемся перед иностранцами».

В Кордобе монахи-иезуиты построили церковь «Общество Иисуса». Там я играл бесплатно. Программа была соответствующей: Свелинк — «Два псалма», Бах — «Три арии», «Две хоральные прелюдии», П. Чайковский — «Утренняя молитва», «В церкви», Бородин — «В монастыре», Барриос — «Собор». Как всегда — людей было много.

Аргентинский гитарист и композитор Хуан Фалу играл концерт в университете, который был построен в 1613 году монахами-иезуитами. В этом университете учился на медицинском факультете Эрнесто Че Гевара На концерт Фалу пришли местные гитаристы и студенты. Зал большой и публики было много. Он играл с подзвучкой. Микрофоны очень хорошие, и звук был качественный. Играл свои оригинальные пьесы и обработки народных мелодий. Его исполнение мне понравилось. Ну, а публика его принимала темпераментно, учитывая, что он племянник великого гитариста и композитора

Эдуардо Фалу.

Только через год музыканты признали, что я играю танго в аргентинском стиле. Назвали меня «Тангеро» — человек знаток танго. Это выше, чем заслуженный артист. Танго — это душа аргентинца, это его музыкальный портрет. Русского изображают с балалайкой, испанца — с гитарой, француза — с аккордеоном, итальянца с мандолиной, а аргентинец — всегда танцующий танго. Написаны тысячи мелодий танго и вершина танго — Астор Пьяцолла, который сказал: «Я пишу танго не для ног, а для ушей».

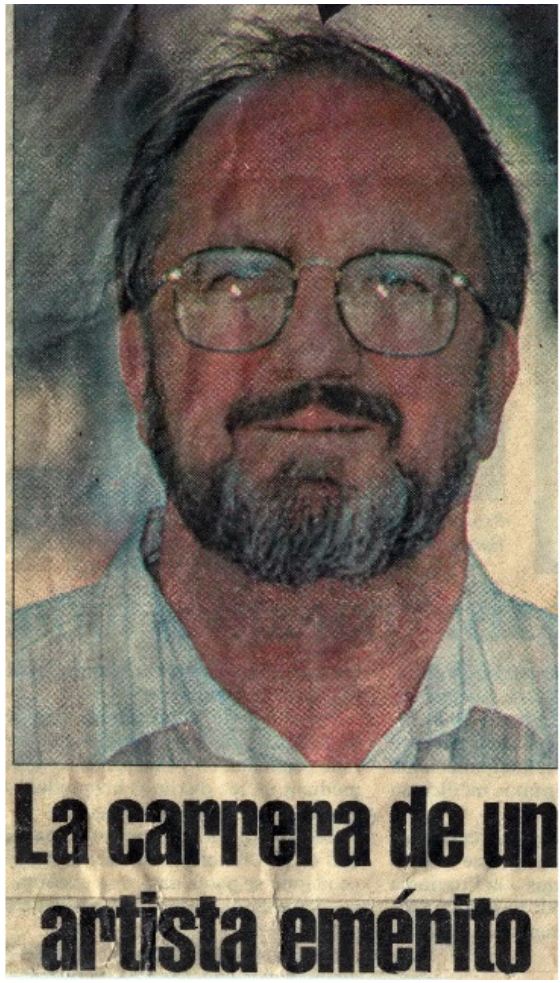
Аргентина, Кордоба. Костел, в котором давал бесплатный концерт

Пьяцолла для аргентинца, как для нас Чайковский. В одном из концертов нашего оркестра в зале «Сан Мартин» принимал участие знаменитый «Тангеро» — Рубен Хуарес, бандеонист и певец танго. Он слушал, как я играл пьесы Пьяцоллы: «Милонга ангела», «Лето в Буэнос -Айресе», «Осень в Буэнос —Айресе». После концерта он подошёл ко мне, обнял и сказал: «Большой гитарист — Педро Ростропович». (Grande guitarrista Pedro Rostropovih). Видимо, хотел сравнить меня с Растроповичем. Это сказано было в присутствии всего оркестра. Великий «Тангеро» Рубен Хуарес оценил мою игру и с этого момента Карлос Нието понял, что его борьба против меня потерпела крах. Я победил. Мы даже стали друзьями. Я ему давал совет: «Ты руководитель, маэстро. Должен ходить в костюме с галстуком, иметь солидный вид». Он принял мой совет.

Дирижёр симфонического оркестра Жираудо при встрече всегда меня приветствовал, он знал, что я фаворит губернатора Рамона Местре. Я предложил ему сыграть концерт Эйтора Вилла-Лобоса. Он отказался, сказав, что не знает его и предложил знаменитый «Аранхуесский концерт» Родриго. Теперь отказался я, сказав, что не играл его и предложил «Фантазию для джентльмена» того же композитора. Он согласился. Я работал над концертом много часов в течении двух месяцев. Придя на репетицию в театр «Сан Мартин», увидел афишу, извещавшую о том, что будет исполнятся «Аранхуэсский концерт». Солист — гитарист Жордано.

Я пришёл на концерт. В зале было менее половины публики. Она в последние годы перестала посещать симфонические концерты. Дирижёр Жираудо был почти слепым и не учил новые партитуры. Оркестр играл старый репертуар, год за годом повторяя его и, конечно, публика хочет услышать новые произведения. Гитарист Жордано играл без микрофона и дать оценку его игры было невозможно. Его просто не было слышно. Леонард Вайсман — дирижёр и музыкальный критик в газете «Утро Кордобы» написал: «Гитарист, играя „Аранхуес“, показал великолепную технику, но не было слышно звука». Очень остроумная ирония!..

Когда я играл в итальянском институте культуры концерт из произведений Никколо Паганини, тот же Леонард написал в газете «Утро Кордобы»: «Интерпретация Полухина в прошлый четверг в итальянском институте была энергичной и разнообразной. То, что он включил вариации на «Венецианский карнавал» (оригинал для скрипки) добавило нерв и жизненность в программе. Крепкая техника и музыкальность, продемонстрированная в концерте, исполняя Паганини. Речь идёт — и это делается более интересным для нашей среды — о технике и музыкальном видении, отличном от того, которое мы встречаем в местной гитарной школе». Леонардо Вайсман. Дирижёр камерного оркестра и музыкальный критик».



Моё фото на странице газеты «Утро Кордобы»

После концерта в театре «Сан Мартин» встретил дирижёра Жираудо. Гадко улыбаясь, он кивнул мне. «Смеётся тот, кто смеётся последним», — подумал я, — смогу держать удар и ответить тем же». Работая в киевской филармонии, встречал таких интриганов, что аргентинцы дети по сравнению с ними. У меня созрел план. Мной руководило не столько чувство мести, а, скорее, чувство реальной необходимости: помочь оркестру завоевать любовь публики. И я начал проводить план в действие.

В этом мне помогала концертмейстер вторых скрипок Валерия Мартин. С нею я играл в музее «Кабильдо историк» программу Паганини. Встречаясь с музыкантами оркестра, я говорил: «Ваши концерты проходят в наполовину пустом зале. Я знаю, почему вы играете одну и ту же программу: дирижёр почти слепой, он не в состоянии выучить новую программу. А вы подумали о себе? Придёт на концерт губернатор Рамон Местре

и увидит, что зал пустой. Подумает: „Почему мы тратим деньги на оркестр, а публика на его концерты не ходит?“. Вы потеряете работу… Что делать?.. Давайте соберёмся в зале и решим. Надо организовать Совет музыкантов из концертмейстеров групп струнных и духовиков».

Назначили время и собрались. Конечно, там были и сторонники Жираудо, привыкшие работать по-старинке, но желающих перемен было больше. Я им посоветовал: «Напишите коллективное письмо губернатору и укажите, что дирижёр потерял квалификацию, инвалид по зрению, что не позволяет ему учить новые программы. Только письмо не министру культуры. Жираудо его друг. Выберите художественный Совет из двенадцати музыкантов и решайте: кого из дирижёров пригласить на новые программы? Дирижёр приедет, подготовит программу и уедет. Над вами не будет никакого диктата».

Так и решили сделать. Потом иду в редакцию газеты «Утро Кордобы». Журналисты в ней большинство евреи. Они меня знали и много обо мне писали хорошего. Я им говорю: «Открытие театра „Сан-Мартин“ двадцатого апреля музыкой Вагнера. А знаете почему? Это день рождения Гитлера, а Вагнер — любимый композитор Гитлера. У вас столько лет работает итальянский фашист».

Общими усилиями выгнали Жираудо. Пригласили на новую программу бразильского дирижёра. Публики полный зал. Темпераментная бразильская музыка, аплодисменты, цветы. После музыканты мне говорили: «Почему ты раньше не приехал?».

Я играл несколько раз на банкетах губернатора Рамона Местре. Там были чиновники министерства культуры, которые меня посылали на медицинскую комиссию, которая нашла у меня в позвоночнике грыжу. На основании этого сделали заключение, что я инвалид. После, заставляли подписать вторично контракт, в котором указывалось, что я должен работать восемь часов. Моя жена Ольга возразила, сказав, что если весь оркестр подпишет такой контракт, тогда и Пётр подпишет. Если бы я подписал такой контракт, то получал бы половину ставки. А по поводу комиссии она пошла к главному врачу и сказала: «Моему мужу первый контракт подписал губернатор. Почему он должен подписывать второй контракт?». Главный врач заверил Ольгу, что не выдаст справку об моей инвалидности. И вот я с этими сволочами сижу за одним столом. Они мне улыбаются. О люди!.. Ничтожество вам имя! На банкетах попробовал настоящую испанскую паэлью. Я научился её делать, это моё любимое блюдо!

Однажды мы с Ольгой пошли в музей «Кабильдо Историко. Там была выставка фотографий. Тема — «Холокост». Наверное, это были фотографии гитлеровских фотографов. Страшное зрелище! В музее мы познакомились с очень престарелой парой. Подошли они к нам и спросили:

— Вы русские?..

— Да. Мы из Киева, — отвечаем.

— А мы дальние родственники Троцкого… Мы тоже из Киева…

Оказалось, что старушка лидер женской сионистской организации Кордобы — Бродская, родственница сахарозаводчика Бродского. Он построил пять домов в Киеве. В одном из этих домов на улице Саксаганского мы с Ольгой жили. Дом кирпичный, с толстыми стенами, четырёхэтажный. Построен в 1900 году. Он ещё сто лет простоит.

Оркестр «Аргентинское танго» состоял из двенадцати музыкантов, вокалиста и танцевальной пары и меня — солиста-гитариста. Играли мы концерты по городам провинции Кордоба. Большая провинция, территория, не меньше Украины. Длительность выступления — один час, а после — ужин два-три часа. Всегда — «асадо» — национальное блюдо, жаренное куриное мясо на углях, политое лимонным соком. Часто меня усаживали рядом с мэром города напротив Карлоса Нието, замечательного бандеониста, игравшего все танго на память. Возвращались поздно ночью. В Кордобе в это время рестораны все работают, песни, смех. Город жил своей жизнью. Днём сиеста с часу до четырёх. Местное население шутит: «Если аргентинец просыпается в субботу и у него нет денег на асадо и вино — он выходит на забастовку.

Как-то Карлос увидел, что я перед выступлением играю пассажи и трудные места из пьес, спросил:

— Зачем ты это делаешь? Разве ты ученик?..

— Не ученик, но этим я разогреваю пальцы перед игрой…

— Виски лучше разогревают, — пошутил он.

Следуя этому совету, в следующий раз я, певец оркестра Данте и Карлос зашли перед игрой в бар и заказали виски по сто граммов. Бармен набросал в стакан льда, побрызгал виски и протягивает нам. Карлос и Данте взяли и посасывают виски, а я говорю бармену: «Я заказал виски и заплатил песо не за лёд. Налейте сто граммов виски, а после лёд». Когда Карлос увидел, сколько у меня виски, говорит: «Петро, следующий раз заказывай виски и для нас». Пришли на концерт в летнем театре. Я играю танго, а перед сценой собаки занялись любовными утехами. В зале гомерический хохот. Наверное, я с такой страстью играл

после виски, что возбудил собак. Теперь я могу поверить, что Орфей мог заставлять себя слушать даже зверей, когда он пел.

Гитарист из города Ла-Плата, это недалеко от Буэнос-Айреса, организовал мне в городе концерт. Он зять моего хорошего знакомого Абрамова, альтиста оперного театра Буенос-Айреса и симфонического оркестра Ла- Плата. Его зовут Хорхе Папандопулос. В своё время, он приезжал в Кордобу и целый месяц я его готовил к конкурсу. Стал лауреатом. Сейчас он известный гитарист, играет, как сольные концерты, так и с оркестром. Вспоминаю, когда я уезжал из Киева в Аргентину, мой знакомый спросил: «Ты уезжаешь в Аргентину и собираешься аргентинцев учить игре на гитаре?». Оказывается, пришлось и очень успешно.

Вскоре редакция газеты «Утро Кордобы» пригласила меня на интервью. Спросили, как мне живётся в Кордобе? Я рассказывал о своей работе в оркестре, о наших недавних гастролях в Чили. Мы в автобусе пересекли горы Анды и выступили в Сантьяго, в аргентинском посольстве. Рассказывал также о своих сольных концертах в городах Кордобы и других городах провинций Мендоса и Хужуй.

Рассказал о впечатлении исполнения девятой симфонии Бетховена. Не удержался от критики. На сцене оркестр одет в чём попало: кто в рубашке, кто в майке, в разноцветных брюках, а некоторые даже в шортах. Хор похож на цыганский табор. Не хватает только гитар и романса «Очи чёрные».

— Музыка классическая, — говорил я, — музыканты-мужчины должны быть в смокингах. Женщины — в чёрных юбках и белых блузках. Профессия обязывает носить концертную форму. Представьте военных, одетых в чем попало? —Это уже не армия, а партизанщина…

— У нас жарко, — возразили мне, — и выступать в костюмах неудобно.

— В Израиле тоже жарко, но оркестр в смокингах.

Газета попала на стол губернатору и тот издал Указ: «Надеть оркестру и хору концертные костюмы».

Я сыграл очередной концерт в зале Исаака Гольдмана. После концерта меня приняли в организацию «Ротари клуб». Я часто играл у Гольдмана. Оплату получал согласно купленным билетам, которые продавала Ольга. Он говорил, что надо сыграть благотворительный концерт и деньги направить в помощь каким-то детям. Я ему сказал: «Исаак, когда я приехал в Кордобу, мне кто -нибудь помог? А я ведь очень нуждался».

Однако я никогда не отказывался от благотворительных концертов, когда помощь нужна была конкретным людям.

Работая в киевской филармонии, я часто для солдат играл шефские концерты — это святое дело. А тут миллиардер, дом у дочери, как Дворец пионеров в Киеве, хочет на чужом горбу в рай въехать. А после будет перед губернатором отчитываться в том, что помог детям.

Мне вспоминается случай, когда мне позвонила женщина из кубинского посольства и предложили сыграть концерт кубинской музыки. (наверное, были на концерте аргентинской музыки?). Я спросил о гонораре. «Какой гонорар? — Бесплатно. Ваши чернобыльские дети проходят оздоровление на Кубе». Я знал — чьи дети там оздоровляются. Те, которым родители дают тысячу долларов на карманные расходы.

— Если вы сыграете концерт, — говорили мне, — то и ваш сын будет на Кубе.

— Нет, давайте наоборот, сначала мой сын побывает на Кубе, а после я сыграю концерт…

Повесили трубку и больше мне не звонили. После эта женщина преподавала отъезжающим в Аргентину уроки испанского языка. Вместо разговорной речи, она нам читала стихи испанских поэтов. Предложила написать на следующий урок испанские поговорки. Я написал: «Ослом родился, ослом и умрёшь». Отдал Ольге, а на уроки больше не пошёл.

Ольга ходила в школу вождения автомобиля. После окончания —экзамен на получение водительских прав. Ей подсказали бывшие ученики, что преподаватели специально заваливают учеников, чтоб опять платили за повторный экзамен. Наш знакомый из Днепропетровска Николай посоветовал поехать в маленький городок недалеко от Кордобы и там получить права без экзаменов. Ольга поехала, нашла эту контору. Её спрашивают: «Какие права — любительские или профессиональные?». Любительские — тридцать долларов, а профессиональные — пятьдесят. Проверка зрения стоит один доллар. Был случай, когда права выдали слепому.

Был случай, когда нас могли и убить. Как-то днём мы шли на переговорный пункт. Рядом на мотоцикле проезжали парни, малолетки лет по шестнадцать. Остановились. Один подбегает и направляет мне пистолет в грудь, а второй у жены забрал двадцать долларов. Обшарили мои карманы и уехали. В Аргентине малолеток не судят.

В Кордобе я организовал дуэт — скрипка и гитара. «Виртуозы Кордобы — Валерия Мартин и Пётр Полухин». Сыграли несколько концертов. Один из наших концертов был записан на местном

телевидении.

Иду с друзьями на свой концерт в «Кабильдо-историко»

В национальном музее «Кабильдо» мы сыграли программу «Итальянская музыка». В первом отделении я играл соло. Композитор Галилей — «Сюита», Ронкалли — «Пассакалия», Леньяни — «Блестящее попурри», Скарлатти — «Две сонаты», Паганини — «Сонаты» — (тридцать третья и тридцать пятая). И, конечно, — «Венецианский карнавал». Второе отделение: дуэт Вивальди — «Адажио». Паганини — «Соната концертата», «Романс», «Дуэт ми минор». «Дуэт ля минор», Кастельнуево-Тедеско — «Романс» из концерта для гитары и оркестра, я сделал обработку для гитары и скрипки.

Играю в «Кабильдо историко»

В 1997 году я был номинирован «Американским институтом биографий» на звание «Человек года». Это впоследствии мне очень пригодилось.

Когда я должен был дирижировать камерным оркестром, исполнявшим «Времена года» Вивальди. Солистка — Валерия Мартин. Но некоторые влиятельные лица не хотели этого, и особенно, дирижёр духового оркестра Шапиро. Концерт отменили. В Кордобу с авторскими концертами приехали Ариель Рамирес — автор «Альфонсина и море» и гитарист Эдуардо Фалу. Театр Сан-Мартин был полон. Это был незабываемый концерт. Всемирно известные музыканты играли, а Фалу даже пел свои песни под гитару. Как- то всё было камерно, по-домашнему доверительно. Публика устроила им такие овации, что я боялся как бы люстра не сорвалась с потолка. Великие мастера! После концерта мы подошли к ним. Ольга говорит Рамиресу: «Вы великий человек». Отвечает: «Да, у меня рост сто девяносто».

Я с Фалу договорился о встрече. Хотел ему показать свой концерт. Фалу был вице-президентом Союза композиторов Аргентины. Рамирес — президентом. Я через некоторое время принёс копию концерта в отделение союза композиторов Кордобы на комиссию, и в 1998 году меня приняли в союз композиторов Аргентины.

Жизнь в Кордобе. Знакомства

Мы в Кордобе приобрели новых друзей, которые приняли активное участие в нашей жизни. Александро Блаес- консул. Фернандо Остореро — менеджер. Естебан Никотра — директор института Британика. Грасиэла Ажаме — работник отдела культуры. Марсело Мерто — менеджер магазина «Фалабелла». Это все влиятельные люди, но были и простые — с которыми мы общались, приходили друг к другу на асадо (жареное мясо), или на чашку чая. Мой знакомый Иван Карпук, украинец. Очень тосковал по родине. Часто говорил мне: «Всё равно, кто ты — украинец, русский, татарин, еврей — лишь бы ты был с Украины». Он мне давал для чтения подшивку журнала «Вызвольный шлях», когда я к нему приезжал за мёдом. Жил он за городом в итальянской деревне и у него была пасека. Его жена, щедрая украинка, угощала нас блинами, приговаривая: «Йишь, Пэтре, пышки з мэдом». А Иван угощал самогоном.

Когда мне надо по делам в Буенос -Айрес — я шёл к Эдуардо, водителю —дальнобойщику. Ехали всю ночь. Он покупал листья коки, целофановый кулёк стоил пять долларов, и жевал всю ночь, чтоб не заснуть. Когда ехали по трассе, на которой было много домов с красными фонарями, женщины кричали нам вслед: «Эй, Эдуардо, почему ты нас забыл?.. Заезжай!». Отвечал: «Не могу —я женился».

На ранчо у Эдуардо

Моя соседка —медсестра, молодая женщина, не помню имя, имела хороший дом, машину, хорошую зарплату. Как -то мне говорит: «Познакомь меня с русским» … Был у меня один знакомый, крепкий, лет сорока мужик, звали его Иваном. Я его пригласил к соседке, и она устроила ужин с вином. Иван понравился соседке. На другой день она мне говорит: «Иван мне сделал незабываемую ночь. У вас русских, все такие в постели?». Я её заверил, что таких большинство. Жили они долго вместе пока жена Ивана не приехала и не забрала его домой.

Этот Иван был строителем. Ездил по разным странам. Он рассказывал, что два года работал в Ливии при президенте Каддафи. Там хорошо платили. Народ жил почти, как при коммунизме: квартирная плата отсутствовала, плата за электроэнергию для населения тоже. Бензин — один литр стоил четырнадцать центов (я после поинтересовался и прочитав, глазам своим не поверил). На каждого члена семьи — дотация тысяча долларов в год, за каждого новорождённого — семь тысяч долларов, новобрачным на покупку дома — шестьдесят четыре тысячи, на открытие личного бизнеса— двадцать тысяч. Образование и медицина —бесплатные. Образование за рубежом за счёт государства, пособие по безработице — семьсот тридцать долларов в месяц, Государство стало выпускать собственную валюту — золотой динарий. Но народ захотел демократии. И американцы сказали: «Если у вас нет демократии, тогда мы летим к вам» И прилетели. За нефтью. Мой ученик в Хьюстоне — негр, инженер Национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА), показал мне газету с карикатурой на этот счёт. Американец спрашивает араба: «Почему НАША нефть находится в ВАШИХ песках?».

Отношение ко мне в «Оркестре Танго» намного улучшились, правда, не все люди в нём, на мой взгляд, были порядочными. Скрипач Маркос попросил меня в интерпретации концерта Моцарта, который он готовил к конкурсу за место в симфоническом оркестре. Я с ним занимался целый месяц, и он выиграл конкурс. После скрипач даже не здоровался со мной. Ну, как говорят: «У отца было три сына, два умных, а третий скрипач».

После моего первого концерта в Кордобе подошёл к нам с Ольгой русский, имя его Павел. Он столяр. Пригласил к себе. Мы согласились — он жил в двадцати минутах ходьбы от нашего дома. Жена у него аргентинка. Работает адвокатом. Отец его воевал в армии Власова и после окончания войны, зная, что его ожидает на родине, решил не возвращаться. Ватикан таких, как

он переправлял в Аргентину. В Кордобе стал работать столяром, немного разбогател и открыл свою столярную мастерскую. Нанял рабочих и стал заниматься изготовлением мебели. Когда дела пошли успешно, отец, замаливая свои грехи перед Родиной, построил небольшую деревянную церковь. Приехавшее из Буэнос —Айреса духовенство, осветило её.

Павел обучился столярному делу у отца и продолжил его дело. Он делает мебель из дерева «кебрачо». Его индейцы называют «сломай топор» потому, что если его не обработать сырым, то оно высохнув, становится крепким, как кость. Павел делал мебель разных тонов: белое с желтизной, коричневое с красным цветом. Стали с Павлом мы дружить семьями. Хочется иногда окунуться в родную речь, поговорить на родном языке.

Кстати, о дереве «кебрачо». Знаменитый русский скульптор Степан Дмитриевич Эрьзя (настоящая фамилия Нефёдов), работая в Аргентине двадцать три года, очень любил это дерево. Множество своих скульптур он резал именно из него. Я видел в музее Эрьзя в Саранске эти прекрасные фигуры женщин и понял почему, когда он предложил своей ученице руку и сердце — она отказала ему, сказав, что он уже женат на своих скульптурах. Когда советское правительство предложило вернуться ему на родину, он привёз скульптуры из дерева, гипса, бронзы и мрамора.

Сто восемьдесят произведений весом сто семьдесят тонн.

Однажды играл в провинции Мисьёнес в городе Посадес. Здесь много украинцев и поляков. Познакомился с аккордеонистом Санчо Спасюком. Наш вуйко (дядька)! Виртуоз, играет аргентинские и украинские танцевальные мелодии в эффектном стиле и нравится публике. Меня публика, а большинство было украинцев, приняла сдержано: я же не играл «Нэсэ Галя воду». В конце выступления сыграл «Миссионера» и ушёл, Слава Богу, хотя не под стук «собственных копыт». Спрашивали меня: «Почему я не играю украинских песен?». Я им обьяснил, что я классический гитарист и играю серьёзный репертуар. Наверное, не поняли. «Мисионера- это девушка из Мисьёнес» (провинция в Аргентине). Гитарист Павел Иванников, в своё время, перевёл, как «миссионер». Это название пьесы так и закрепилось за нею.

Новая метла метёт по-новому

В стране началась предвыборная кампания. Партия губернатора Кордобы была у власти более 20 лет и пребывала в полной уверенности в своей победе. Но партия генерала Хуано Доминго Перона — хустисиалистская, лучше подготовилась, наобещав индейцам рай земной. По всей стране прошла агитация даже среди школьников. Мой сын, как аргентинский Павлик Морозов, тоже вместе со школьниками бегал по улицам Кордобы и орал: «Де ля Сота, де ля Сота», прославляя имя противника моего губернатора. Я ему говорю: «Что ты делаешь?.. Чего орёшь?.. Выиграет Де ля Сота и нам придётся бежать из Кордобы».

Так и вышло. После победы в стране хустисиалистской партии, друзья Рамона Местре стали врагами Де ля Сота. Естественно, в первую очередь, и я. Сразу в местной газете появилась статья одного гитариста, что у меня нет аргентинского духа, когда я играю танго. Ответил ему в той же газете, заявив, что зарубежные музыканты тоже не имеют русского духа, однако играют музыку Чайковского — она построена на русских мелодиях. Я этого гитариста встретил в буфете театра и высказал ему в русском духе всё, что о нём думаю.

Как поётся в старой советской песне: «Тучи над городом встали, в воздухе пахнет грозой…» Это я почувствовал сразу после прихода к власти Хосе Де ля Сота. Я был другом бывшего губернатора. Теперь я враг нового. Чтобы избавиться от музыкантов, которых набирал Карлос Нието, новые власти Кордобы устроили конкурс на замещение мест в оркестре. Для того, чтобы завалить меня на конкурсе, они потребовали моей игры на электрогитаре. Я отказался. Весь состав оркестра был разогнан. Осталась только молодая виолончелистка, да и та, видимо, совсем не за музыкальную одарённость.

Дальнейшее моё пребывание в Аргентине стало под большим вопросом. Мои друзья посоветовали уехать в США. Они же помогли нам с Ольгой получить аргентинские паспорта. Мы в Аргентине прожили почти четыре года, а для получения гражданства требовалось всего три.

Жизнь в США

Ольга вспомнила про нашего друга в Хьюстоне, вице-президента компании «Маратон ойл компани». Он искал когда-то на Украине в полтавской области газ, но не нашёл. Она позвонила ему домой, и получила его согласие на наш приезд к нему.

Мы с другом, вице-президентом «Маритон ойл Компани»

Не дожидаясь окончания контракта, он заканчивался в августе две тысячи первого года, мы в марте этого же года собрались в Хьюстон. По нашим паспортам визы не требовались, но находится в США легально мы могли только 3 месяца. Прилетели. Наш друг нашёл нам квартиру. Мы были на птичьих правах и не имели права на постоянную работу. Ольга устроилась временно работать в пакистанскую ювелирную кампанию. Её взяли за знание испанского языка — в этом районе города проживало много мексиканцев. Главный менеджер, когда узнал, что Ольга русская, сразу принял её на работу. Он помнил, как русские моряки его мальчишкой подкармливали во время войны.

У хозяина было около тридцать ювелирных магазинов. Некоторые располагались в супермаркетах, как ювелирные отделы. Ольга стала работать продавцом. Я устроился работать в музыкальную школу преподавать композицию в старших классах. Познакомился с президентом гитарной Ассоциации

города, адвокатом Барфильдом. Он был фанатом гитары. Играл мазурку «Аделита» Франсиско Тарреги, но в таком темпе, что это напоминало похоронный марш.

Он устроил двадцатого мая мне концерт в «Робертсон —зале» университета. Я выбрал одну из своих программ: Чайковский — «Шесть пьес» из детского альбома, Полухин — «Четыре пьесы», «Вариации на романс «Вечерний звон», Альбенис — «Прелюдия», «Отзвуки Калеты», Пьяцолла — «Милонга для ангела», «Лето в Буэнос- Айресе», Рамирес — «Альфонсина и море», Таррега — «Арагонская хота».

Концерт прошёл с большим успехом, но лучше бы я его не давал. Фискальная служба города узнала, что я нелегал и ее агенты следили за мной, как цепные псы. Где бы я ни договаривался о концерте, тут же они приходили к устроителю концерта и говорили, что я не имею права на работу. Устроился я играть в итальянском ресторане «Пульчинелла». Хозяин араб, когда прибежали «цепные псы» службы, он им сказал, что гитарист у меня не работает. Приходит иногда поиграть за обед. Хозяин мне платил триста долларов за два часа игры. Ресторан был престижный, дорогой и моя испанская и латиноамериканская музыка были украшением ресторана. Это были, так называемые, «чайные концерты».

.

Чайный концерт

Выступал на радио на фестивалях русской музыки. Много играл на разных торжествах. Познакомился со скрипачом Владимиром из Львова. Он был жутким националистом. Когда выпьет, доказывает, что украинская мова лучше русского языка.

— Вот по-русски «люблю», — говорил он, — грубо, а по-нашему — «кохаю» — нежно, певуче…

— А ты знаешь, — спрашиваю, — что обозначает слово «кохер», от которого произошло ваше «кохаю? — по-испански это «иметь женщину». — Володя, я четыре года прожил в Аргентине, испанскую «мову» знаю хорошо…

Но скрипач он был отменный. У него хорошая львовская скрипичная школа: Крыса, Мазуркевич, Которович — имена которых знали музыканты и публика СССР. Играл я также на еврейских свадьбах с певцом Ильёй Гольдштейном (в гомельской филармонии он был Златокаменнским).

Собрались мы в Канаду — но там официальная иммиграция только до сорока пяти лет, но для музыкантов международного класса и гроссмейстеров — нет ограничения в возрасте. Мой знакомый пианист Гарик — концертмейстер Ильи Гольштейна, дал мне телефон женщины в Канаде, которая занималась иммиграцией. Мы выслали ей две тысячи долларов, она целый год водила нас за нос. Ничего не сделала и деньги не вернула.

Как оказалось, позже — этот Гарик был мошенником. Скорее всего и женщина тоже была мошенницей. Судьба Гарика была

печальной. Работая в музыкальном магазине продавцом, он украл у хозяина сто тысяч долларов и улетел в Израиль. Снова проворовался и улетел в Россию. Но внезапно там умер. В России своя мафия и чужим аферистам воровать безнаказанно она не позволяет.

Русская диаспора в Хьюстоне организовала мой прощальный концерт. Он назывался «Прощай Техас». Публики было много. Организатор концерта Мира Ярова написала обо мне статью в газете «Наш Техас». Статья называлась «Паганини гитары». Я стал известной личностью, но уехать в Канаду сразу мне не удалось. У нас с женой были аргентинские паспорта, а у сына паспорта не было — в Аргентине паспорта выдают после шестнадцати лет. Мы обратились в посольство Аргентины, но там сказали, что сын гражданин Украины и ему надо лететь в Киев и там получить паспорт. В консульстве Украины тоже сказали: «Надо лететь в Киев». Я окончательно расстроился и сказал консулу: «Главарю украинской мафии в Америке — (называю фамилию), вы дали паспорт здесь, а моего сына заставляете лететь на Украину».

Почему мы выбрали именно Канаду, а не какую-нибудь другую страну? Ответ на этот вопрос очень простой — там у нас были друзья. Мы уже имели горький опыт нелегального пребывания в США, когда в корне пресекалась любая наша попытка получить постоянную работу. Теперь хотели приехать в Канаду на постоянное место жительства. Я позвонил в Нью-Йорк своему ученику, киевлянину Саше Колонтырскому. Он стал джазовым гитаристом, но играет и на классической гитаре. Играл в своё время в дуэте с легендарным джазовым гитаристом Чарли Бердом.

Мой ученик Саша

Спросил у Саши: «Есть ли кто-нибудь из его знакомых в Канаде?». Он сказал, что дружит с бывшим киевлянином Иосифом Фельдманом, пианистом, хозяином академии музыки в Эдмонтоне и дал мне его телефон. Когда я ему позвонил, он очень обрадовался и сказал, что меня знает, был у меня на концерте в колонном зале киевской филармонии. Я ему сообщил о своём желании перебраться с семьёй в Канаду. Он тут же мне заявил: «Я тебе вышлю письмо —вызов о том, что моей академии требуется гитарист со знанием русского и украинского языков. Это будет для посольства Канады важным аргументом для разрешения иммиграции. Ольга позвонила в канадское посольство. Её заверили, что выдадут паспорта для пересечения границы. Сели в свою «Вольво» и сын гнал машину пять суток. Приехали в посольство Канады, где нам выдали все документы и паспорт Борису. Впереди нас ожидал город Эдмонтон в Канаде.

Мы в Эдмонтоне

На границе с Канадой нам пришлось пережить несколько неприятных минут. Хозяин машины, которую мы купили у него с рук перед выездом из США, видимо, перевозил в ней марихуану или другие наркотики. Собака таможенников начала очень рьяно обнюхивать сиденья и багажник машины. К счастью, ничего не обнаружила. Нас спросили о наличии денег. Ольга показала чек на сорок тысяч долларов, и мы благополучно пересекли границу.

Поездка была очень впечатляющей. По сторонам дороги пасутся бизоны, по склонам гор прыгают козлы, зайцы то и дело пересекают дорогу — прямо, как в Диснейленде!.. Остановились на ночлег в гостинице. Прекрасный ужин. И Канада мне начала казаться «землей обетованной».

«Город Эдмонтон в провинции Альберта считается одним из самых холодных в Канаде, но климат там довольно сухой. Зима приходит в конце ноября и длится до конца марта», — читаю в рекламном проспекте. «Очень всё напоминает нашу киевскую погоду», — подумал я. Город нам сразу очень понравился. Он раскинулся по берегам реки, много зелени, высотных домов.

Нас встретил мой знакомый по Киеву, пианист, хозяин музыкальной академии — Иосиф Фельдман. Поселил у себя, пока мы не сняли себе апартаменты. Я и Ольга пошли в украинское общество. Оно располагалось в большом доме с концертным залом. Когда мы рассказали о себе, мне предложили работу дирижёра малого симфонического оркестра. Ольга тоже нашла себе работу — она устроилась в ювелирный магазин хозяина Александра Давыдова, украинца.

Мы с Ольгой и директор малого симфонического оркестра

Как чёрную полосу в своей жизни вспоминаю работу дирижёром этого симфонического оркестра. Директор оркестра, тоже украинец, предложил мне плату — сто сорок долларов за два часа репетиций. Мне пришлось много оркестровать то, что у них было в библиотеке. Это были полупрофессиональные оркестровки с украинским уклоном. Да и сам оркестр не состоял из виртуозов. Но гонору у каждого музыканта было предостаточно.

Решили меня сразу проверить. Поставили мне на пульт партитуру — оркестровый номер из «Кармен». Репетируем. Слышу — начали специально играть не те ноты. Я остановился и говорю: «Я гитарист и композитор. Не дирижировал больше десяти лет. Не надо меня проверять. За эти деньги, которые мне тут предложили, к вам ни Вальтер Будро, ни Степан Турчак, ни Зубан Мета — не приедут…

Я оркестровал несколько пьес. для сына директора оркестра, он тоже кларнетист. Среди них было танго «Забвение» Пьяцоллы, которое после упорных репетиций два раза в неделю, было сыграно более-менее сносно.

Канада. Рекламная афиша

Проработал я около шести месяцев. Подготовили программу для концерта, но в неё надо было включить пьесу с украинской тематикой. Я взял «Гопак» Мусоргского. Начали репетировать.

Есть в нём место, где скрипки должны играть по открытым струнам. Вместо слаженной игры, у оркестра получается полный разнобой. И так несколько раз. Я не сдержался и говорю скрипачкам: «Ваша игра напоминает мне кваканье лягушек на болоте».

Скрипачки обиделись, демонстративно поднялись и ушли. На собрании оркестра они отказались со мной играть. На этом моя дирижёрская карьера закончилась. Мои уши этому обстоятельству очень обрадовались и умей они высказывать свои мысли вслух, то сказали бы мне: «Пётр Иванович, огромное спасибо вам за избавление нас от мук, которые мы натерпелись на этой вашей работе».

Чёрная полоса моей жизни на этом не окончилась. Судьба щедро отпускала мне разного рода невзгоды и испытания. Играл я в индийском ресторане. Там до меня играл индус на ситаре, но он уехал к себе в Индию. Стал играть я на гитаре индусам испанскую музыку, но недолго. Борьба за существование заставляла меня браться за любую работу. Записывал на диски свою игру и продавал их в супермаркетах по двадцать долларов. «Деньги не пахнут» — вспоминал я известную поговорку римского императора Нерона.

Устроился я работать в музыкальную школу. Урок длится тридцать минут раз в неделю. Оплата — двадцать долларов за урок. Кабальные условия. Чтоб заработать две тысячи долларов — это прожиточный минимум был тогда в Канаде, нужно иметь тридцать учеников. У меня их было в школе всего шесть. Проработал я три месяца и больше не выдержал.

Решили мы с Ольгой в воскресенье пойти в русскую церковь. Мы были крещёными. В Киеве жили в десяти минутах ходьбы от Владимирского собора, но посещали его только на Пасху. В Эдмонтоне захотелось познакомиться с русскими, а заодно узнать возможность преподавания детям игры на гитаре. Было лето. Мы налегке отправились в церковь, которая была тоже недалеко. Выстояли службу, купили свечи и поставили их за упокой родителей. Кстати, моя мать умерла в 1995 году, отец значительно раньше.

Познакомились с батюшкой. Когда он узнал, что я гитарист, сразу же пригласил меня поиграть на празднике в следующее утро:

— Приходите и поиграйте для привлечения верующих. Будет праздник и после службы — праздничный обед.

Я, конечно же, принял приглашение, но когда на следующий день мы с Ольгой пришли в церковь, оказалось, что играть нужно было на улице, в самый солнцепёк и без микрофона. Я вынужден

был отказаться. Пошёл в русский магазин и повесил на доску объявление о том, что набираю учеников игре на гитаре. За месяц собралось прилично — около 10 желающих.

О репетиторской работе

За урок я брал сорок долларов. Для сравнения — пианисты брали от шестидесяти до ста долларов за урок. Очень радужным мне показалось моё финансовое положение. Я размечтался, что Ольга может бросить работу и пойти учиться в колледж на медсестру. Но всё оказалось далеко не так. Самое непостоянное для репетитора — это ученики. Если ученик пришёл сегодня на занятия, то не факт, что он придёт на следующее из-за болезни или по другой причине.

Была у меня ученица. Часто пропускала уроки. А я ожидаю, трачу своё время, нервничаю. Родители её вполне обеспеченные люди, но когда я им предложил платить (не больше, чем в музыкальных школах) за три месяца вперёд, они отказались. Приходили ученики разных возрастов. К примеру, пожилой канадец захотел обучаться игре на гитаре чтобы разработать подвижность пальцев. У него был артрит, и я выступал в роли спортивного инструктора. Специально для него придумывал упражнения для развития пальцев.

Другой интересный случай. Профессор Марк Соломонович — преподаватель математики в университете решил вместе со взрослой дочерью Соней учиться у меня. Соня шесть лет училась в музыкальной школе, но уровень игры был таким же, как у моих учеников, обучавшихся шесть-восемь месяцев. Была она молодой, с хорошими гибкими пальцами и хорошей музыкальной памятью. Очень любила гитару. Позанималась у меня два года и стала играть на уровне студента музыкального училища. А папа, хоть и был профессором, но таланта не проявил.

Канада. В нашем доме. Слева в часовой стрелке: моя ученица Соня, ее мать, отец (профессор математики и мой ученик Марк Соломонович), Ольга, соседи и я

Вспоминаю и другого ученика. Было ему около двадцати пяти лет. Способности уникальные. Память изумительная. Мог за несколько дней разучить пьесу средней сложности. Мама у него была помешанной на религии. Дал я ему пьесу на тремоло «Аве Мария» Шуберта. Он приходит говорит: «Учить не буду. Мы евреи, а это музыка не наша».

«За долгие годы преподавания игры на гитаре у меня выработалась своя методика этого непростого дела. Не всякий гитарист- виртуоз может стать педагогом, для этого нужно иметь особое чутье в понимании индивидуальных способностей ученика, нужно проявить умение заинтересовать его пьесами и упражнениями. И не убить непомерными трудностями его желание учиться». Это я вычитал в мемуарах другого гитариста и совершенно согласен с ним.

Конечно, преподаватель не робот, а живой человек. Он может испытывать неудовольствие, раздражение, горечь и другие негативные чувства, слушая игру ученика. Но никогда эти чувства не должны бить по самолюбию ученика! На уроке должен быть только доброжелательный тон. Надо чаще хвалить, а не ругать. Очень приятно видеть, как ученик, который начинал обучение буквально с нуля, через некоторое время становится гитаристом.

Скажу откровенно, репетиторство — очень тяжёлая работа. Устаёшь сильнее, чем от игры с симфоническим оркестром. Совершенно другое дело, когда случалось давать мастер-класс

уже хорошо подготовленным ученикам. Вспоминаю мастер-класс студентам музыкального училища в Краснодаре. Преподаватель класса гитары Георгий Ахонин после моего концерта попросил провести занятия с наиболее способными студентами. Их игра у меня оставила приятное впечатление. Мои замечания по технике игры и трактовке исполнения, как говорится, студенты схватывали на лету. Очень способные там были ребята.

Но вернусь к своему репетиторству. Мои нервы стали истощаться. Если сначала я взялся с большим рвением учить игре на гитаре, то со временем понял — это не моё. Стало появляться чувство безразличия: «Пришёл на занятия ученик — хорошо. Не пришёл — даже лучше!». Так было в последние два года репетиторства. Когда осталось у меня два очень способных ученика, я сказал им: «Идите в музыкальную академию, там директор мой друг — он вас примет, и вы продолжите обучение».

Играю чтобы жить

Хозяин гостиницы «Шато Луи», — украинец Джулиан Козияк, он помогал прибывшим иммигрантам с Украины с устройством на работу. Пел и играл на фортепиано. Был министром образования. Пригласил меня играть в ресторане гостиницы. За два часа работы платил триста долларов. Там я познакомился с Клаудио Колесником, молдаванином, администратором кооператива высотных домов. Мы с ним подружили. Каждое воскресенье приходит к нам в гости, я или Ольга готовим обед. Бокал шампанского, игра в карты, беседа. С 1997 года я даже не притрагиваюсь к водке. Только один бокал вина или шампанского. Вино — только аргентинское или чилийское. Шампанское — мне нравится испанское. Готовлю паэлью в память о хорошем человеке, губернаторе Кордобы Рамоне Местре. Он умер от гепатита.

На каком-то приёме, устроенном Джулианом, ко мне подошёл украинец Лаврентий, он оказался мужем сестры Барбары —жены Джулиана — и сказал, что он руководитель мандолинного оркестра. Наобещав мне кучу всякого, попросил сыграть соло в его концерте. Я приехал. Вижу оркестр пенсионерок — клуб, кому за семьдесят. Я бы назвал: «Оркестр леди с того света». Играют в унисон. На контрабасе играет жена Лаврентия — Марьяна. Лаврентий иногда поёт и играет соло на скрипке с этим оркестром.

Грустно мне было смотреть на это зрелище, а тем более слушать. Мне, играющему с лучшими оркестрами Европы, было трудно удержаться от критических замечаний Лаврентию не только в адрес оркестра, но и в адрес его самого. Я ему хотел посоветовать играть на скрипке с ладами, подобно «арпеджионе» — виолончели с ладами и строем шестиструнной гитары. Такую виолончель изготовил в своё время скрипичный мастер Иоганн Штауфер, а Франц Шуберт написал для арпеджионе сонату. Но с советом воздержался. В «Шато Луи» я проработал шесть лет.

В музее украинского быта. Мы с водителем

Играл я в музее украинского быта под открытом небом. Интересно было смотреть на архитектурные реликты: вокзал, почту, церковь. Находишься как будто в машине времени в начале прошлого века. В магазинах продают сувениры, в ресторане — украинская кухня: вареники с творогом и картошкой, бутерброды с салом, украинцы в национальных костюмах. И, упаси Боже — заговорить на русском языке! Посмотрят на тебя, как солдат на вошь. Собираются здесь убежавшие от сталинских лагерей (или их дети), а чаще — от гнева народа и расправы. Я играл на большой сцене с микрофоном. Мощные динамики усиливали многократно звук гитары. Собралось около двадцати тысяч человек.

Играю в музее украинского быта

Пришлось поиграть и на фестивале этнической музыки мира. Каждая страна имела павильон со сценой, где проходили выступления. Я представлял Украину. Мне предложили надеть «вышиванку». Отказался, сказав, что я музыкант классического направления и к фольклору никакого отношения не имею. Смирились, но, наверное, подумали: «Та грай, клятый москаль!». Парк в Эдмонтоне, где проходил этот фестиваль, подарил городу украинец Гаврилюк.

Экспонат украинского быта

О друзьях и недругах

К семидесяти своим годам я подошёл более-менее состоятельным человеком. Отпала необходимость думать о том, как заработать деньги на хлеб насущный. Жена работает, сын помогает. Свободного времени предостаточно. Но у музыканта не бывает свободы от музыки. То, чем занимался всю свою сознательную жизнь, не может уйти бесследно. То и дело у меня возникало желание выложить на бумагу музыку, которая появляется во мне спонтанно и не даёт возможности заниматься чем-то другим, кроме неё.

О своей музыке я писать много не буду. Главное, что скажу — я не выдающийся композитор. Скорее всего, я инженер гитарной музыки. Использую достижения многих гитаристов, их ритмы, гармонии. Я похож на всех, не стремлюсь быть оригинальным. Главное, чтобы моя музыка была, яркой, концертной и доступной для многих гитаристов. Она является музыкой сегодняшнего дня и не рассчитанной на века. Я благодарю тех музыкантов, которые играют мою музыку и мои обработки народных мелодий. В их числе: гитарный квартет Иванникова и его же дуэт, киевский оркестр «Пектораль», где дирижёрами работают Борис Бельский и Михаил Тущенко. Конечно же, благодарен оркестру «Виртуозы гитары» под управлением Леонида Карпова, с которым я учился в консерватории.

За последние восемь лет жизни я написал около четырёхсот пьес. Они выложены на российском сайте «Terraguitar». В этом мне помогают энтузиасты форума, которые неплохо владеют гитарой и являются подлинными её рыцарями. Конечно, можно подумать об издании сборников моих пьес, особенно тех, которые станут популярными в среде гитаристов.

А повседневная жизнь со своими заботами, вновь и вновь возвращает меня в среду моего обитания. Как ни хорошо на чужбине, а думы о Родине не покидают меня ни на миг. То, что творится сейчас там, не вкладывается в здравый смысл. Такого не приснится даже в кошмарном сне. Украинцы убивают украинцев. Стариков, женщин и детей. Безжалостно бьют из миномётов и орудий по жилым домам, по больницам и школам.

Более пяти лет горит в огне войны мой Луганск и вместе с ним Донецк — непокоренные две области Украины, сражающиеся за свой язык и свою веру. Очень жаль, что оголтелыми националистами становятся деятели искусства и музыканты.

Девять лет назад украинский гитарист Андрей Шилов предложил мне написать вариации на несколько украинских песен. Я принял предложение и написал вариации на пятнадцать песен. Андрей проставил аппликатуру и издал их отдельным сборником. Сейчас он продаёт по пятнадцать евро за сборник. На ютубе играет четыре песни с моими вариациями. Я ему переслал за работу частями восемьсот долларов. Сейчас он пишет, что безвозмездно сделал редакцию моих вариаций и подарил мне к моему семидесятилетию. На мой взгляд, у него нет ни стыда, ни совести. Видимо, за отсутствие этих качеств, его выгнали из консерватории, где он вёл преподавательскую работу.

После того, как на Украине произошла «революция гидности» — наступил его «звёздный час». Он пришёлся ко двору националистам. Стал орать на своих концертах приветствие националистов: «Слава Украине!». Надел «вышиванку», перед его выступлениями исполняется гимн Украины («Щэ нэ вмерла Украина»). Оказался русофобом и оголтелым националистом. Начал петь под гитару похабные песни про президента России. Мой город Луганск, где он окончил университет, назвал «лугандой». Я ему написал письмо: «Андрей, побойся Бога! Ты же русский, говоришь на русском языке, а про Россию поёшь похабные песни». Он ответил мне матом. Я не смолчал и ответил ему тем же, написав для него вальс, где рефреном шли ноты: до-ре-ми-до-ре-до. Музыканты знают, что это означает.

Когда находишься на склоне жизни, прожитое накатывается словно волны прибоя, а ты сидишь где-то на прибрежном камне, смотришь в синеющую даль моря и думаешь, думаешь…

Я не помню уже всех пьес, которые написал, а написал я много. Где-то читал, что Шуберт спрашивал: «Кто композитор?» — слушая в исполнении певца свою песню.

Пишу я быстро. Павел Иванников не успевал редактировать. Я когда-то читал и не мог поверить, будто Вивальди говорил, что он напишет концерт быстрее, чем переписчик его перепишет. Я сочиняю иногда во сне. Джузеппе Тартини сочинил «Дьявольские трели» тоже во сне. Ему дьявол во сне на скрипке сыграл эту сонату. Мне черти не играют и у меня никогда не было белой горячки. Просто мне снятся ноты. Только записывай, но когда я просыпался, то помнил только идею, а это главное. Бах запрещал своим ученикам садится за клавир до того, пока они не сочинят музыку в голове.

Я с благодарностью вспоминаю преподавателя дирижирования Гозулова в годы моей учёбы в консерватории. Он мне говорил: «Изучай партитуры великих. Чайковский гораздо полезнее заучивания теоретических правил». Было чтение

и анализ мною произведений известных сочинителей. Поскольку я не владел игрой на фортепиано, то брал партитуру, ставил пластинку и изучал. После научился читать партитуры глазами. Я изучил вариации Моцарта, Бетховена и других, изучил форму построения вариаций, а после приступил к написанию вариаций на украинские песни.

В Эдмонтоне я с гитаристами не общался. Приходили ко мне члены Ассоциации гитаристов и приглашали вступить в их ряды. Я отказался. Не знаю английский. Брать сына в качестве переводчика? Я посчитал, что это не для меня. Мне достаточно было примера, когда гитаристы-ковбои штата Техас шпионили за мной и докладывали властям, что нелегал Полухин играет там-то и там-то… Два раза наступать на одни и те же грабли мне не хотелось. Даже в Канаде, где я жил легально.

У нас в гостях президент ассоциации гитаристов Барфильд и члены ассоциации

И вновь воспоминания… Всё дальше вхожу в глубины моей памяти… По скайпу я общался с Сашей Бальшемом, учеником известного гитариста Константина Смаги. Саша жил в Нью-Йорке и работал инженером. С ним познакомился в Киеве. Тогда я был оценщиком гитар при Министерстве культуры и должен был мастеровые концертные гитары не выпускать из страны. В мою обязанность входило предоставление письменного заключения о том, что инструмент не является национальной ценностью. Когда евреи-гитаристы решили вернуться на «землю

обетованную» — в Израиль, и им надо было провезти свои гитары — Министерство направляло их ко мне.

Надо сказать, что меня возмущал этот факт: «Почему люди, купившие инструмент за свои кровные деньги, — думал я, — не могут забрать его с собой?». Только у нас творилось такое безобразие. Я им советовал снять этикетку мастера, который изготовил гитару и приклеить этикетку черниговской фабрики. Фабричные гитары пропускались. Я делал заключение, что гитара художественной ценности не представляет и вывозу за границу подлежит. Многим евреям я помог совершенно бесплатно, правда, иногда для общения со мной они покупали бутылку коньяка, а я давал своё заключение и желал им успехов.

Так вот, Саша улетел в Нью-Йорк с мастеровой гитарой благодаря моей помощи. Я всегда склонялся к мысли: «Если ты делаешь добро людям, то оно к тебе обязательно вернётся». Когда я приехал в Хьюстон, то Саша подарил мне гитару Ещенко и немецкий усилитель. У него уже были гитары получше. Он мне на дни рождения дарит комплекты струн для гитары.

Также я помог вывезти испанскую гитару моему другу Анатолию Шапиро. Я с ним общаюсь тоже по скайпу. По скайпу я разговариваю с ленинградским гитаристом Леонидом Карповым мы учились с ним у Яна Пухальского в киевской консерватории. Иногда переписываемся с Виктором Козловым гитаристом и замечательным композитором. И с однополчанином Леонидом Беленко, с которым вместе играли в ансамбле песни и пляски киевского военного округа. Он хотя и «отравлен ядом» национализма, но остаётся хорошим человеком и преподаёт гитару в Харькове.

Моя композиторская работа

С 2012 года донецкий гитарист Павел Иванников редактирует мои пьесы. Проделал огромную работу. С 2014 года просил каждый день присылать ему новую пьесу. В это время началась гражданская война. Турчинов погнал свих бешенных псов — националистов против жителей Донбасса, не пожелавших разговаривать на украинской мове и стать русофобами. Павел говорил, что снаряды пролетают мимо его дома. Моя музыка играла для него роль символического щита.

Это был расцвет моего творчества. Здоровье позволяло мне писать музыку долгими часами зимой и летом. Я творил. Хочу назвать самые значительные свои сочинения. Это циклы из пяти однотипных пьес одноимённой формы, включающие в себя менуэты, прелюдии, галопы, ноктюрны, баллады, идиллии, былины, багатели, акварели, арабески, песни без слов, пасторали. Мне нравилось писать сюиты, посвящённые нашим христианским празднествам и фольклору. Сюита на «Ивана Купалы» из пяти пьес, Сюита «Масленица» из пяти пьес, «Итальянская сюита» из пяти пьес, «Сказочная сюита» из пяти пьес, сюита «Цветы» из пяти пьес. Концерты для гитары и симфонического оркестра, концерт «Тропикана» для гитары и оркестра, версия «Тропикана» для четырёх гитар и оркестра, «Русский концерт» для гитары и оркестра.

Особое место в моём творчестве занимало сочинение фантазий. «Карпатская фантазия», «Печальная фантазия» памяти Лермонтова, были написаны в этот период. А для ансамблей гитар мною написано огромное количество пьес. Пятьдесят гитарных квартетов, сорок гитарных дуэтов. Вариации на темы пяти русских композиторов, вариации на темы пяти композиторов других стран, посвящённые семье братьев Иванниковых. Их пока не сыграл никто. Но, надеюсь, что всё ещё впереди. Когда я увидел, что Павел Иванников не успевает обрабатывать мои оригинальные сочинения, то сам стал редактировать эти пьесы.

О настоящем и прошлом

Конгресс украинцев Канады пригласили меня сыграть концерт на своём собрании. Мой концерт длился сорок пять минут. Вначале мне поставили условие — должна звучать украинская музыка и мне пришлось растолковывать им, что я исполнитель классической музыки, но у меня есть обработки украинских песен: «Щедрик» — рождественская украинская народная песня, «Ехал казак за Дунай», «Взял бы я бандуру».

В зале было человек сто. Приняли меня хорошо, несмотря на то, что я москаль, но с Украины. После был ужин и расспросы об Украине. Я не был там десять лет и ничего нового рассказать им не мог. На все провокационные вопросы отвечал, что я артист и политикой не занимаюсь, но рассказал, что когда работал в киевском органном зале, и когда шёл за зарплатой, то брал спортивную сумку. Мне туда бросали деньги, и я не считая их, быстро шёл с женой в гастроном и покупали продукты — завтра они будут стоить в два раза дороже. А потом семь месяцев не получал зарплату. Почему я здесь? От хорошего не бегут. Им это не понравилось. Если бы я говорил, что москали — оккупанты, то лил бы бальзам на их души. Больше они меня и не приглашали.

Вспоминаю, когда на Крещатике я встретил главу союза композиторов Михаила Степаненко, он спросил: «Что ты здесь делаешь? Почему не уехал?.. Двадцать тысяч деятелей культуры уже там». И он оказался прав. Когда мы уезжали Ольга позвонила знакомому режиссёру киностудии имени Довженко и сказала, что мы уезжаем в Аргентину. Он спросил: «А как же Родина?». «Родина у нас — это свинья, которая поедает своих детей», — был ответ Ольги.

Ещё вспоминаю. Когда мы с Которовичем приехали в Мюнхен на концерты, нас встретил администратор, русский еврей и поселил в гостиницу сказав, что это лучшая гостиница. Оказалось, что это гостиница для гомосексуалистов. Утром завтрак, шведский стол роскошный, вечером концерт в театре. Полон зал людей, успех. Подошли украинцы и пригласили в украинскую церковь.

На другой день было воскресенье. Пришли и я там такого наслышался! Какой -то вуйко с пеной у рта кричал, что Воронеж, Белгород, Курск, Кубань — это украинские земли. Вечер у нас был свободным. Нас пригласил к себе украинец, который знал дядю Богодара. За рюмкой водки он рассказал, что дядя — Геннадий Которович был редактором еженедельника «Новое время», а после

войны — журнала «Неделя». Работал агентом на две разведки был убит в 1964 году. Похоронен рядом с лидером националистов Коновальцем. Богодар меня попросил: «Только не говори никому, даже жене». И я молчал. Если бы узнало КГБ, то не видать бы ему звания «народный» и даже выгнали бы из консерватории. Такой преподаватель не имеет право учить советских студентов.

В Библии есть удивительно точные строки: «Отдаляйся от врагов твоих и будь осмотрителен с друзьями твоими». Когда меня не было дома — я был на гастролях. Богодар пришёл к нам на квартиру. Елена, моя первая жена, открыла дверь. Он упал на колени, стал просить о любви, говоря, что я не достоин такой женщины, что я ей изменяю. А кто из нас не без греха? Вспоминаю анекдот. Когда сто женщин попало на тот свет, и Бог спрашивает: «Кто изменял своим мужьям — выйти из строя! Девяносто девять вышли. К ним подлетели ангелы, надели на головы им венки из роз и повели в рай. Одна, которая осталась, говорит: «Боже, я не изменяла мужу». Бог говорит: «Я грех прощаю, а глупость — никогда!». Когда я вернулся из гастролей, Елена сказала: «Ну, и друг у тебя!». И рассказала эту историю. Конечно, отношения стали другие, и он, наверное, догадался, что я знаю о его попытке украсть то, что принадлежит мне.

Позвонил он мне летом и говорит, что едем в Кременчуг, завтра будут на природе снимать правительственный концерт, в котором принимают участие ведущие артисты Киева. Я сослался на неважное самочувствие и отказался. Ушёл к моему другу, художнику Георгию Бабейчуку. Когда посмотрел эту передачу по телевизору, то увидел, что на сцене стоит стул, а на нём гитара головкой вверх, и Которович играет «Испанский танец» композитора Скорика.

Следующий эпизод. Звонит он мне и говорит: «Мы едем в Румынию, но я получаю две трети гонорара, а ты — одну треть». Говорю, что прочитал в газете «Правда» сообщение об обстреле поезда «Москва- Бухарест». Я не хочу быть убитым. Гастроли были сорваны. Я Богодару помог попасть на приём к президенту Украины — Кучме. Богодар попросил Кучму помочь организовать камерный оркестр. Оркестр был организован при Совете министров. Состав оркестра: Богодар — дирижёр и солист, Басалаева — пианистка и по совместительству любовница Богодара. Полухин — музыкант оркестра.

Я уже писал, что после этого наша дружба сошла на нет. Я всегда был солистом, а не музыкантом оркестра и не ожидал, что Богодар меня так низко опустит. Решил с ним больше не играть. Встретились мы с ним у здания посольства Аргентины. Я шёл

в посольство за документами на отъезд. Он остановился и спросил: «Говорят, что ты уезжаешь в Аргентину — не вернёшься?». Ответил ему кратко: «Никогда!».

Богодар, наконец, женился на Басалаевой. Она родила ему сына. Назвали в честь отца Богодара —Антоном. Впоследствии сын освоил электрогитару и стал рок-музыкантом. Дочь от первого брака — Мирослава. Она прекрасная скрипачка, преподаёт в консерватории. Басалаева прописала в квартиру свою мать и брата… И устроили они Богодару такую сладкую жизнь, что пришлось ему уйти от них на квартиру. Он запил и на своё шестидесятивосьмилетие напился. Утром вышел во двор, упал в парадном и умер.

Мне его жаль. Многие ему говорили: «Посмотри на Басалаеву, она бездарная, жопатая дура». А он бросил молодую, красивую, на 11 лет моложе его арфистку Наталью Кметь, которая по-настоящему его любила. Связался с женщиной, бывшей до него четыре раза замужем. Лев Гумилёв, в своё время, писал: «Когда украинец умнеет — он становится русским». Богодар Которович не стал русским.

В начале января 2018 года мне написала письмо Алина Бойко — художественный руководитель первого Международного конкурса композиторов, пишущих для гитары, который должен пройти в Киеве. Предложила мне участвовать в конкурсе. Условие: пьесы на тему украинских песен и не более трёх страниц. Я ей написал, что у меня нет пьес с аппликатурой и с нюансами. Я печатаю на «FINALE» — многофункциональном музыкальном редакторе только текст. Ей нужно было конкурсу придать статус Международного. Прислали свои заявки композиторы только из с Венгрии и Белоруссии, а остальные все украинцы. Я из Канады. Это выглядело солидно. Она написала, что сама поставит аппликатуру. Я не смог ей отказать — мы были в хороших отношениях. Она ученица Натальи Плакущей, которая раньше у меня училась на курсах повышения квалификации. Я ей послал вариации на тему песни «Гей, соколы». Песня польская, но украинцы её считают своей. В Канаде я видел сборник песен, где «Вечерний звон» — украинская (!?) песня.

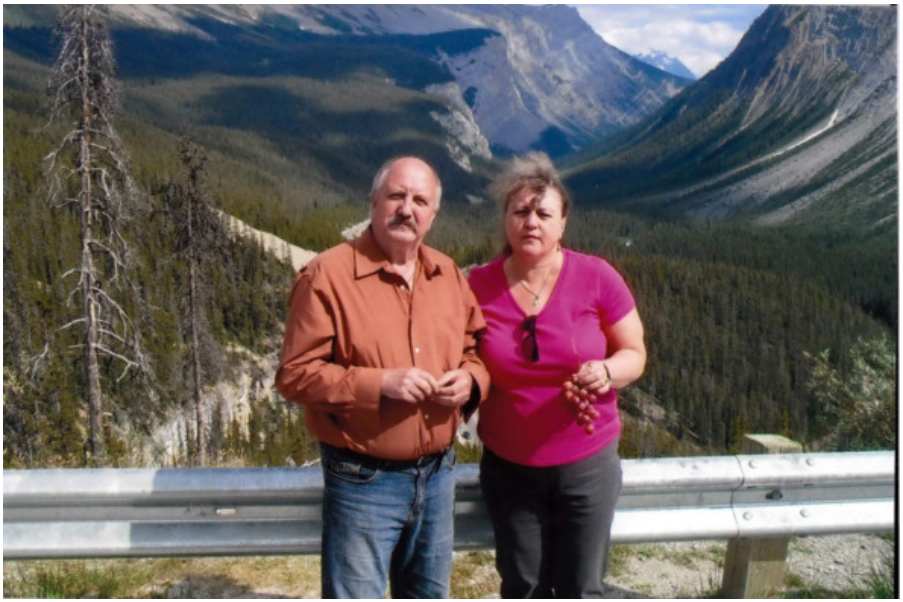
Первое место присудили венгерскому гитаристу Ференцу Бернату. Он родился в Ужгороде и учился у гитариста Ференца Смерички, который не позволял мне жить в гостинице, когда я приезжал на гастроли. Только у него, где я питался и пил венгерское вино. Один из удачных моих концертов проходил в филармонии, в здании бывшей синагоги, где была прекрасная акустика. Смеричка играл в венгерском ансамбле и преподавал в музыкальном училище.

Ференц Бернат — крепкий гитарист, но его пьеса простая обработка, а он её назвал «Украинская баллада» на тему песни Платона Майбороды «Ридна маты моя». Баллада — это форма оригинальной музыки, а на темы песен пишут вариации, фантазии, попурри. Наверное, он назвал так для придания солидности своему опусу. Второе место присуждено было сразу трём композиторам: мне, Игорю Григорьеву и Анатолию Довбня, который написал замечательные вариации на тему песни «Була соби Маруся». Я считаю, что по стилю лучше моих. Анатолий Довбня — Моцарт по сравнению с Ференцем Бернатом. Я написал Константину Чечени, директору конкурса, что пьеса Берната была опубликована в журнале «Гитара в Украине» и по условиям конкурса — она не имеет права выставляться на конкурс. Он не ответил.

Честно признаюсь, ответ мне совершенно был не нужен. Просто высказал своё мнение. А тут Ольга предложила совершить небольшое путешествие на Кубу с заездом в соседние страны Южной Америки. Я давно мечтал побывать там и согласился без колебаний. Почему-то с возрастом обостряется страсть к путешествиям. Становишься сентиментальным и острее воспринимаешь окружающий мир.

Как сказал наш замечательный путешественник Пржевальский: «Жизнь прекрасна ещё потому, что можно путешествовать…». Действительно, получил неизгладимое впечатление от природы, заимел много новых друзей и забылись все болячки, как душевные, так и физические. Конечно, много фотографировали.

Начало путешествия



Это Канада

Куба. Кайа Коко. С кубинскими друзьями

Куба. Кайа- Коко

Куба. Отель, где мы отдыхали с Ольгой. Здесь после кубинской революции отдыхал Фидель Кастро

В мексиканском ресторане с друзьями

Радуюсь жизни

Мексика. Я у грота пещеры

Доминиканская республика Пунта-Кана

Двенадцатого декабря 2018 года гитарный оркестр города Киева сыграл концерт из моих оригинальных пьес и обработок. Концерт посвящался мне. Со вступительным словом выступил председатель Ассоциации украинских гитаристов — Константин Чеченя. Резанула по ушам его фраза: «Начинаем концерт из произведений „козырного“ гитариста — Петра Полухина».

Однако я не считаю себя козырным.

Если продолжать на том же сленге, то я, скорее, фартовый. Судьба часто ставила меня в трудные положения, но всегда давала возможность выйти из них благополучно. Не стану повторяться и приводить примеры. Просто, считаю себя везучим человеком. Моё кредо — «Помоги ближнему и это воздастся тебе сторицей». Помню несколько своих поступков.

Спас соседа, когда мне было четырнадцать лет. Он нечаянно схватил оголённый электрический провод. Я лопатой выбил из его рук этот провод. Были и другие случаи. Мой друг Виктор — трубач студент музучилища, взял меня с собой на свадьбу сестры в шахтёрском посёлке Брянка. Была зима. После застолья вышли на свежий воздух прогуляться. Увидел в сугробе замерзающего пьяного мужика. Взвалив его на плечи, отнёс в дом. Отогрели.

Летом отдыхал на Чёрном море в Гурзуфе. Там мой друг — гитарист Борис Дробот сдавал мне комнату. Однажды я и сестра Бориса пошли на пляж. Были большие волны. Она говорит: «Посмотри, парень как- то себя странно ведёт». Увидев, что он тонет, я бросился в море и поплыл к тонущему. Сестра друга — за мной. Схватили его за волосы и потянули на берег. Оказалось, что он пьяный армянин из компании распивающих на берегу спиртное. Армяне даже не заметили отсутствие их товарища. Они нас благодарили, дали мне сто рублей и бутылку армянского коньяка. Деньги я отдал сестре Бориса, а коньяк принёс Борису и вечером мы его оприходовали. Конечно, были и другие случаи, но я считал их мелочами жизни.

К Борису приезжали гитаристы: Аркадий Иванников, Сергей Астапов, Александр Шумидуб. Со всеми я дружил. Мне в жизни везло я встречал много хороших людей, которые мне помогали. Были и такие, которые из-за зависти наговаривали всякую чушь на меня. Моя музыка рассчитана на исполнителей сегодняшнего дня. Я стремился сделать её понятной любому гитаристу. И ещё. Я всегда играл на гитарах отечественных мастеров и не мечтал о гитарах Рамиреса или Флета. Как говорится: «Не имей Амати, а умей играти». Я благодарен гитаристам, которые играют мою музыку. Когда при моём крещении у батюшки загорелась от свечи ряса, он сказал, что у младенца будет яркая жизнь. Он оказался прав.

«Думи мої, думи мої, лихо мені з вами…»

Эти слова из стихотворения Тараса Григорьевича Шевченко я вспоминаю всё чаще, особенно, сейчас. Сегодня, восьмого июля мне исполнилось семьдесят восемь. С утра показалось солнце. А весь июнь был пасмурным, мокрым, холодным. Дожди шли совсем не летние, как у нас в Киеве, а изнуряюще бесконечные при температуре не выше плюс десяти градусов. На мой день рождения появилось солнце. Оно выглянуло из-за нагромождения облаков, пытаясь согреть вымокшую до предела землю, но делало это так робко, что не было никакой уверенности в том, что это ему удастся.

Я замариновал австралийскую баранину, нанизал мясо на шампуры и приготовился разжечь мангал, но вдруг пошёл такой сильный дождь с градом, стало так холодно, что мне пришлось жарить шашлык в комнатной духовке.

Мой день рождения

Пришёл мой друг, молдаванин Клавдий с семьёй. Подарок — бутылка элитного французского коньяка. Пришли соседи. Я уже двадцать лет не пью крепких напитков. Позволяю себе бокал шампанского по особо торжественным праздникам. Нет здоровья. Права народная мудрость: «Бог даёт хлеб тому — у кого уже нет зубов».

Мы с Ольгой

Посидели хорошо. Поднимали тосты, пожелали мне сто лет жизни и разошлись. А воспоминания, как кадры из забытого фильма, нахлынули и в темпе престиссимо проносятся в моей памяти. Жизнь моя состояла из белых и чёрных полос. И когда белых полос становилось больше, чем чёрных, я начинал волноваться — что- то должно случится нехорошее для выравнивания баланса.

Я с гитарой. Соседи с бокалом

Дирекция дома органной и камерной музыки дважды подавала документы на присвоение мне звания «Народного артиста Украины», но тормозом становился всё тот же хлопец из Ивана-Франковска, бывший художник- оформитель. Стал он министром культуры без высшего образования, учился на заочном отделении во львовском университете. Мне присылали знакомые гитаристы газету со статьёй: «Министр культуры — двоечник!». Не сдал сессию. Когда ему подавали мои документы, он увидев мою фамилию, говорил: «Пусть полежат».

Мой друг, гитарист и скрипичный мастер, украинец с цыганской кровью —Владимир Мидвидь, говорил: «Петро, ты не зробышь карьеру, бо ты москаль. Поменяй фамилию на Пивушенко, поменяй гитару на бандуру. Вот Петренко карьеру зробэ, бо вин дужэ хитрый». И он оказался прав: в 1999 году Петренко стал народным артистом. Он, на мой взгляд, это звание заслужил. Но директор филармонии Дмитрий Остапенко вскоре вытолкал его на пенсию, чтобы его сын — гитарист Андрей Остапенко, которого он устроил в филармонию, не выглядел серой мышкой по сравнению с Петренко. Сейчас народный артист Петренко играет в ресторане и, чтоб нравится пьяной публике, играет фламенко, стучит каблуками и поёт песни.

При Старостине, бывшем директоре филармонии и бывшем начальнике тюрьмы, киевскую филармонию называли «Филармония строгого режима», а при Остапенко: (в газете появилась статья адвоката Игоря Хмары от седьмого мая 2014 года, написанная по просьбе коллектива филармонии) называют «Филармония вора в законе». В ней указывалась зарплата Остапенко и его дружков, которая выше зарплат премьер — министра и депутатов Украины.

Это стало благодаря революции «гидности». Повылазили из щелей потомки бандеровцев из фашистской дивизии «Галичина», надели «вышиванки» и с криками: «Слава Украине!» начали грабить несчастный украинский народ. Десять процентов от жителей всей Украины, получив оружие, оккупировали Украину и развязали войну на Донбассе. Я помню последний кадр фильма Тарковского «Андрей Рублёв», где на весь экран лицо Андрея Рублёва и его голос за кадром: «Докель страдать русскому народу?».

Вспоминаю прочитанную в школьные годы в какой-то исторической книге притчу: «Когда скифы находились в продолжительном походе в Азию, их жёны, думая, что мужья

погибли — вступили в связь с рабами. Вернувшись, скифы обнаружили, что им противостоит войско потомков рабов, которые не хотели возвращения хозяев. Скифам не удалось победить их в бою и тогда один из них сказал: «Почему мы воюем с ними оружием: копьями и луками, как с равными с нами происхождением? Мы должны взять каждый по конскому кнуту, подойти к ним и, когда они увидят у нас кнуты вместо оружия, они поймут, что они наши рабы. Признав это не устоят. Так и произошло».

Галиция была у поляков быдлом, холопами. Теперь, захватив Украину, нашла себе новых господ, полагая, что они им помогут стать панами. Думаю, что у России кроме оружия, найдутся «кнуты» для защиты русскоязычных украинцев Донбасса. Надо взять эти «кнуты» и гнать этих современных рабов до самых Карпат.

Я родился в 1941 году. «Дети войны» — так называется моё поколение. Горько сознавать, что через семьдесят пять лет после разгрома фашизма, на моей Родине появятся вновь дети войны. Около двухсот их погибло в Донецке после обстрелов города неонацистами. Сколько ещё погибнет? Я верю, что Украина найдёт в себе силы очиститься от этой проказы. Будет и на нашей улице праздник.

На этом я завершаю свои воспоминания, но жизнь ещё продолжается. Я не знаю сколько мне отпущено судьбой ещё прожить. Хочется уйти в теплое время года, когда те, кто придёт меня проводить в последний путь, не будут ёжиться от холода, пытаясь поскорей закончить эту печальную ритуальную процедуру. Постоят у моей могилы и помянут меня, как сказал наш великий Поэт: «Незлым, тихим словом…».

Шестьдесят пять лет вместе с неразлучной подругой и спутницей жизни

С грустью вспоминаю стихи замечательного испанского поэта — Гарсии Лорки, погибшего в гражданской войне в Испании от рук фашистов:

«Когда умру,
Схороните меня с гитарой
В речном песке.

Когда умру…
В апельсиновой роще старой,
В любом цветке.
Когда умру,
Буду флюгером я на крыше,
На ветру.
Тише, когда умру!».